

Диодор Сицилийский
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА I.42 - I.98¹

42

Первый том первой из книг Диодора, разбитой вследствие величины на два тома, включает в себя предисловие обо всем произведении в целом и предания египтян (τὰ λεγόμενα παρ' Αἰγυπτίοις) о зарождении мира и появлении всего, а кроме того о богах, которые создали в Египте города, назвав их по своим именам ἐπωνύμους ἑαυτῶν ποιήσαντες), и о первых появившихся людях и древнейшем образе жизни, о почитании бессмертных и возведении храмов, помимо этого еще о местоположении египетской земли и об удивительных рассказах про реку Нил, и о причинах ее полноводности (τῆς τε τούτου πληρώσεως τὰς αἰτίας) и о высказываниях [по этому поводу] писателей-историков и философов, а также возражение [на мнение] каждого из этих писателей. В этой же книге мы изложим вещи, связанные с вышесказанным (τὰ συνεχῆ τοῖς προειρημένοις). Начнем же с первых египетских царей и обстоятельно (κατὰ μέρος) покажем их деяния до [правления] царя Амасиса (μέχρι Ἀμάσιδος τοῦ βασιλέως), изложив прежде по главам древнейший образ жизни египтян (τὴν ἀρχαιοτάτην ἀγωγὴν τῶν κατ' Αἴγυπτον).

43

Говорят, что в глубокой древности (τὸ παλαιὸν) египтяне, чтобы выжить, употребляли в самом начале в пищу траву, и стебли, и корни произрастающих на болотах (ῶν ἐν τοῖς ἔλεσι γινομένων) [растений], пробуя на вкус каждое [из них].

Итак, во-первых они особенно много ели [траву], именуемую *агростис* (τὴν ὀνομαζομένην ἄρρωστιν, кормовая трава) из-за того, что она отличалась сладким вкусом и достаточно насыщала человеческое тело (потому что они заметили, что она приятна скоту и быстро утучняет его). Именно по этой причине и донныне, памятуя о полезности этого растения, люди, когда идут [поклониться] богам, молятся, держа его в руках; они полагают, что человек – существо [появившееся из] болот (τὸν ἄνθρωπον ἔλειον καὶ λιμνῶδες εἶναι ζῶον), на основании гладкости [его кожи] и его природного состава, да еще того, что он нуждается более во влажной, нежели сухой, пище.

Во-вторых, говорят, что египтяне жили, питаясь рыбой, великое изобилие [которой] предоставляет река, особенно когда понижается уровень воды и она пересыхает. Также они питались некоторыми видами скота, используя шкуру съеденных животных на одежду, и делали жилища из тростника. Следы этого сохраняются у египетских пастухов, которые, как говорят, все до настоящего времени не имеют иного жилища, кроме тростникового, считая, что его вполне достаточно (δοκιμάζοντασ ἀρκεῖσθαι ταύτη).

Прожив так много времени, они, наконец, обратились к съедобным плодам, среди которых – изготавливаемый из лотоса хлеб. Открытие этих плодов одни возводят к Исиде, другие же – к одному из древних царей по имени Менас (τὸν

¹ Перевод выполнен А. Г. Алексаняном по изданию TLG 0060 001 = Bibliotheca historica (lib. 1-20), ed. F. Vogel and K.T. Fischer (post I. Bekker & L. Dindorf), Diodori bibliotheca historica, 5 vols., 3rd edn. Leipzig: Teubner, 1:1888; 2:1890; 3:1893; 4-5:1906 (repr. Stuttgart: 1964).

ὄνομαζόμενον Μηνᾶν). Жрецы со своей стороны рассказывают о том, что изобретателем наук и ремесел был Гермес, а все необходимое для жизни [открыли] цари. Поэтому в древние времена царская власть передавалась не потомкам правящих, но тем, кто оказал большие благодеяния народу (или люди сами побуждали своих царей к добрым делам, или те на самом деле прочитывали об этом в священных книгах).

44

Некоторые рассказывают, что сперва Египтом управляли боги и герои в течении без малого восьмидесяти тысяч лет, и из числа богов последним царствовал Осирис, сын Исиды. Люди же, как говорят, управляли страной <начиная с Мэрида ἀπὸ Μοίριδος> почти пять тысяч лет вплоть до 180 Олимпиады, когда я прибыл в Египет. [Тогда] царствовал Птолемей, именованный новым Дионисом.

В эти времена власть принадлежала по большей части местным властителям, в меньшей степени – эфиопам, персам и македонянам. Эфиопов царствовало четверо, но не подряд, а с перерывами, в целом – тридцать семь лет.

Персы же, после того как их царь Камбиз силою оружия покорил [египетский] народ, властвовали сто тридцать пять лет, включая [периоды] восстания египтян, вызванного тем, что они не в силах были выносить жестокую власть и нечестивое отношение к их богам.

Последними господствовали македоняне и их властители в течении двухсот семидесяти шести лет.

В последние годы царями были местные жители, из них мужчин – четыреста семьдесят, а женщин – пять. Обо всех них у жрецов имелись записи в их священных книгах, которые они с древнейших времен всегда передавали своим преемникам; в записях говорилось, каков каждый из царей был ростом, каков характером и что произошло в каждый год его царствования.

Для нас же, пожалуй, будет излишним и долгим писать о каждом подробно, к тому же многое из написанного будет бесполезно. Посему мы попытаемся кратко изложить то главное, что достойно рассказа.

45

Говорят, что после богов первым царем в Египте был Менас; он научил людей поклоняться богам и приносить им жертвы; к тому же он [ввел обычай] устанавливать столы и кровати и пользоваться дорогими покрывалами, да и вообще сам вел роскошную и дорогостоящую жизнь. Говорят, что царствовавший много поколений спустя Тнефахт, отец мудрого Бокхориса (βασιλεύοντα Τνέφαχθον τὸν Βοκχόριδος τοῦ σοφοῦ πατέρα), отправился походом в Аравию, и, когда у него закончились съестные припасы в пустыне и труднопроходимых местах, он был вынужден, проголодав день (μίαν ἡμέραν ἐνδεᾶ γενόμενον), воспользоваться скромной снедью, предоставленной какими-то местными простолюдинами, после чего, насладившись [простою пищей], осудил роскошь и проклял введшего [этот обычай] древнего царя. И он настолько изменил свое мнение относительно еды, питья и ложа, что записал [это] проклятье иероглифами (ἀναγράφαι τοῖς ἱεροῖς

ὑράμιασιν) на храме Зевсу в Фивах; это, по-видимому, и есть причина того, что в последующих поколениях не осталось и памяти о Менасе.

Затем, как сообщают, правили потомки вышеупомянутого царя, числом 52 – всего 1400 лет; ничего достойного упоминания при них не случилось. После же царствовал Бусирис (κατασταθέντος βασιλέως Βουσίριδος) и восемь его потомков, и последний [из них], тезка первому, построил, как говорят, великий город, именуемые египтянами Диосполь (город Зевса), эллинами же – Фивы. Простерся он на 140 стадиев и чудесным образом был украшен огромными строениями, великолепными храмами и иными красотами; точно так же [царь] сделал и дома простолудинов: одни – четырех-, другие – пятирусными. Так город сделался самым богатым не только в Египте, но и вообще везде. Благодаря распространившейся повсюду славе о его богатстве и величии, упоминает о нем и поэт [т.е. Гомер], говоря:

Даже хоть всё, что приносят в Орхомен иль Фивы египтян,
Град, где богатства без сметы в обителях граждан хранятся,
Град, в котором сто врат, а из оных из каждых по двести
Ратных мужей в колесницах, на быстрых конях выезжают.

(Ил., 9, 381-384)

Некоторые говорят, что у города было не сто ворот, но множество больших пропилен к храмам, отчего и зовется он «стовратным», а также «многовратным». Что касается боевых колесниц, то и вправду, на битвы их выезжало 20 000, ибо в прибрежной местности от Мемфиса до Фив в сторону Ливии была сотня конюшен, в каждой содержалось по две сотни коней. Основания этих конюшен показывают еще и в наши дни.

46

Слышал я, что не только этот царь, но и многие из правивших после считали для себя честь [заботиться] о возрастании города. Ни один из находящихся под Солнце городов не был так украшен в изобилии золотом, серебром, да и слоновой костью, а также множеством исполинских статуй и высеченных из одного камня обелисков. Из четырех возведенных храмов красотой и величием отличался самый древний, тринадцати стадиев в окружности, сорока пяти локтей в высоту, ширина же его стен достигала двадцати четырех футов. Этому великолепию под стать была и красота украшений внутри него, удивительных своей роскошью и весьма искусно выполненных. Сами здания сохранились до сих пор, а множество украшений серебрянных, золотых и сделанных из камней и слоновой кости было разграблено персами в те времена, когда Камбиз сжег египетские храмы; сообщают, что персы перенесли все эти сокровища в Азию и пригласили египетских мастеров строить пресловутые царские дворцы в Персеполисе, Сузах и Мидии. Как говорят, богатство Египта в те годы было такого, что даже после разграбления оставшихся драгоценностей было более чем на триста талантов золота и две тысячи триста талантов серебра. Говорят так же, что здесь [в Фивах] имеются гробницы древних царей, ничуть не уступающие по роскоши гробницам даже самых честолюбивых из более поздних владык. Жрецы, говорят, согласно записям обнаружили 47 царских

гробниц; ко времени же правления Птолемея, сына Лага, осталось лишь 17, из коих большинство было разрушено к тому времени, как я прибыл в эти места, в 180 Олимпиаду. Об этом, впрочем, повествуют не только египетские жрецы на основании своих записей, но также и многие из эллинов, прибывавших в Фивы в царствование Птолемея, сына Лага, и писавших египетскую историю (в их числе и Гекатей), в один голос излагают только что рассказанное мной.

47

От первых гробниц, где по преданию погребали наложниц Зевса, [на расстоянии] десяти стадиев, говорят, находилась гробница так называемого Осимандия (τοῦ προσαγορευθέντος Ὀσυμανδίου). При входе в нее имелись ворота [выполненные из] цветного камня, шириною в два плетра, высотой же – в сорок пять локтей. Вошедший туда оказывается перед четырехугольным перистилем, каждая сторона которого составляет четыре плетра; вместо колон служат высеченные из одного камня статуи животных в шестнадцать локтей [высотой], высеченные с старинной манере (ὑπερεῖσθαι δ' ἀντὶ τῶν κίωνων ζώδια πηχῶν ἑκκαίδεκα μονόλιθα, τὸν τύπον εἰς τὸν ἀρχαῖον τρόπον εἰργασμένα). Весь потолок, [высеченный из] одного камня, достигает в ширину двух оргий (мера длины = 0, 01 стадия) и пестро изукрашен звездами на темно-синем фоне (ἀστέρας ἐν κυανῷ καταπεποικιλμένην). За этим перистилем следует еще один вход с воротами, во всем подобными первым, но преизобильно украшенными всевозможными изображениями (γλυφαῖς δὲ παντοίαις περιττότερον εἰργασμένον). У входа находятся три высеченные из цельного черного сиенита статуи (ἐξ ἑνὸς τοῦς πάντας λίθου μέλανος τοῦ Συηνίτου): одна из них, сидящая, - самая большая из всех [статуй] Египта; ее нога, если смерить, достигает семи локтей; две прочие, стоящие на коленях, справа и слева, - его дочь и его мать, - уступают первой в размерах.

Сие произведение не только достойно похвалы за свои размеры, но и вызывает удивление своим мастерством и особенностью камня: ибо там - при таковой-то величине! - не наблюдается ни единой щели и ни единого изъяна. Там написано: «Я – царь царей Осимандий. Если кто возжелает узнать, сколь велик я был и где покоюсь, то да будет он потрясен одним из моих трудов (εἰ δέ τις εἰδέναι βούλεται πηλίκος εἰμί καὶ ποῦ κεῖμαι, κικάτω τι τῶν ἐμῶν ἔργων)». Имеется там также и другая статуя его матери, высеченная из цельного камня, высотой в двадцать локтей, с тремя диадемами на голове, которые означают, что она была царской дочерью, царской женой и царской матерью.

За воротами находится еще один перистиль, еще более достойный упоминания, чем первый. На нем имеются разнообразнейшие рисунки, изображающие его (sc. Осимандия) войну против восставших бактрийцев. Он бросил против них четыреста тысяч человек пехоты, двадцать тысяч конницы, при этом вся армия была разделена на четыре части, которыми командовали сыновья царя.

48

На первой стене изображен царь, осаждающий окруженную рекой [городскую] стену, сражающийся с врагами в первых рядах со [своим] львом (и зверь

яростно сражается вместе с ним). Среди истолкователей [значения] этого [изображения] одни говорят, что и взаправду у царя был ручной лев, которого кормил [сам] царь и который сражался в битвах вместе с ним и обращал супостатов в бегство своей яростью; другие же передают, что будучи безмерно смелым и желая столь откровенно (φορτικῶς – букв. *грубо, неизящно*) себя прославить, царь через образ льва показал свой дух.

На второй стене изображены уводимые царем пленники, лишённые срамных органов и рук. Этим, по-видимому, обозначалось то, что они немужественны духом и в опасных предприятиях оказались беспомощными (ἐν τοῖς δεινοῖς ἐνεργείας ἄχειρες - букв. *безрукими*).

На третьей стене находятся всевозможные роскошные рисунки, изображающие царя приносящим в жертву быка и справляющим триумф над врагами. Посреди перистиля был воздвигнут под открытым небом алтарь из прекраснейшего камня, удивительный по мастерству исполнения и по величине.

Возле последней стены сидят две высеченные из цельного камня статуи в двадцать шесть локтей величиною, мимо которых из перистиля ведут три входа, за коими воздвигнуто покоящееся на колоннах помещение наподобие Одеона, каждая сторона которого составляет два плетра. Здесь находится множество деревянных изваяний, изображающих людей, имеющих тяжбы и взирающих на судей. Последние высечены на одной из стен, числом тридцать, а посреди них – главный судья, на шее которого повешено [изображение] Истины, глаза его закрыты, а рядом с ним находится множество книг. Эти изображения образно показывают (ἐνδείκνυσθαι διὰ τοῦ σχήματος), что судьям не следует ничего принимать [в дар], а главный судья должен видеть только истину.

49

Далее [как рассказывают] находится галерея, полная всевозможных строений (περίπατον οἰκῶν παντοδαπῶν πλήρη), в которых приготовлены самые вкусные яства. В этой галерее находится и резное раскрашенное изображение (γλυφαῖς ἐντυχεῖν εἶναι καὶ χρώμασιν ἐπτηνθισμένον τὸν βασιλέα) царя, преподносящего богу серебро и золото, которое он получал ежегодно из серебрянных и золотых рудников со всего Египта; подписано и число [золота], которое в сумме составляет сорок два миллиона мин серебром.

После идет священное книгохранилище, на котором написано «Лечебница души» (Ψυχῆς ἰατρεῖον); к нему прилегают изображения всех египетских божеств, а также и самого царя, преподносящего то, что подобает каждому [из богов], словно доказывая Осирису и восседающим с ним в подземном мире богам (πρός τε τὸν Ὅσιον καὶ τοὺς κάτω παρόδρους), что он провел жизнь благочестиво и с уважением к богам и людям. Смежен с книгохранилищем покой, рассчитанный на двадцать лож, там находятся изображения Зевса, Геры и, наконец, самого царя. Здесь же, очевидно, и покоится тело царя.

Вокруг этого покоя расположены залы, в которых находятся замечательные изображения почитаемых в Египте животных. Через них идет лестница к самой гробнице. Когда проходишь ее [целиком, то можно видеть] на гробнице золотой круг,

составляющий в окружности 365 локтей, а толщиной – в один локоть. На каждый локоть [окружности] написаны дни года, при этом [там] расписаны природные закаты и восходы звезд и свершаемые ими знамения согласно [учению] египетских звездочетов (ἐπιγεγράφθαι δὲ καὶ διηρησθαι καθ' ἕκαστον πῆχυν τὰς ἡμέρας τοῦ ἐνιαυτοῦ, παραγεγραμμένων τῶν κατὰ φύσιν γινομένων τοῖς ἄστροις ἀνατολῶν τε καὶ δύσεων καὶ τῶν διὰ ταύτας ἐπιτελουμένων ἐπισημασιῶν κατὰ τοὺς Αἰγυπτίους ἀστρολόγους). Говорят, что этот круг был похищен персами при Камбизе, когда он завладел Египетом. Сообщают, что гробница царя Осимандия была такой, что, по-видимому, сильно превосходила другие [гробницы] не только большими тратами [на ее постройку], но и изобретательностью (ἐπινοίᾳ) строителей.

50

Фиване именуют себя самыми древними из людей и [приписывают] себе открытие и философии, и точной астрологии (τὴν ἐπ' ἀκριβὲς ἀστρολογίαν), к тому же сама местность споспешествует наиболее четкому наблюдению восходов и закатов звезд (ἄμα καὶ τῆς χώρας αὐτοῖς συνεργοῦσης πρὸς τὸ τηλαυγέστερον ὄραῖν τὰς ἐπιτολάς τε καὶ δύσεις τῶν ἄστρον). В особенности у них упорядочен календарь (τὰ περὶ τοὺς μῆνας καὶ τοὺς ἐνιαυτοὺς *букв.* 'то, что связано с месяцами и годами'). Они ведут счет дням не по луне, но по солнцу, и, принимая, что в месяце - тридцать дней, добавляют к двенадцати месяцам пять с четвертью дней: таким образом они исчисляют годичный круг; однако они ни добавляют вставные месяцы, ни отнимают дни, как это делает большинство эллинов. Считают, что они весьма точно изучили затмения солнца и луны; они делают прогнозы на основании этого, безошибочно предсказывая мельчайшие детали грядущих событий.

Восьмой из потомков этого царя (sc. Осимандия) по имени Ухорей (Οὐχορεὺς) построил самый блистательный из египетских городов – Мемфис. Он выбрал наиболее удобное место во всей стране, где Нил, разделившись на большие части, образует «Дельту», именуемую так по образу [буквы дельта Δ]: поэтому-то и получилось так, что город, удачно расположенный у шлюзов, господствует над всеми плывущими в верхнюю часть страны. Он обнес город стеной в сто пятьдесят стадиев, удивительно прочной и удобной. Сделал он это следующим образом: поскольку Нил течет возле города и заливал [его] во время разлива, то [Ухорей] с южной стороны построил огромную земляную насыпь, с одной стороны защищающую от реки, с другой стороны служащую крепостью против врагов на суше; а со всех остальных сторон вырыл огромный и глубокий бассейн (ὠρυξε λίμνην μεγάλην καὶ βαθεῖαν), вмещавший в себя всю мощь реки и занимавший все место вокруг города (кроме того, где была сделана насыпь), который обеспечил [городу] удивительную прочность. И настолько удачно воспользовался местными условиями основатель его [т.е. Мемфиса], что почти все последующие властители оставили Фивы и построили здесь и дворцы, и резиденцию (τὰ τε βασιλεία καὶ τὴν οἴκησιν ἐν ταύτῃ ποιῆσθαι).

Поэтому-то с того времени начали умягчаться Фивы и возрастать Мемфис, вплоть до времени царя Александра (ибо после того, как он основал соименный себе город на море, все последующие властители Египта почитали для себя делом чести заботиться о его возрастании). Одни старались украсить его роскошными дворцами,

другие – храмами и гаванями, третьи – достопамятными дарами и зданиями настолько, что большинство мнило [Александрию] первым или вторым городом среди всех городов ойкумены. Об этом, впрочем, мы подробно расскажем в свое время.

51

Основатель Мемфиса после создания насыпи и бассейна построил царский дворец, не уступающий прочим, но не достойный величию и чувству прекрасного прежних царей. Дело в том, что местные жители невысоко ценят настоящую жизнь, но высоко почитают того, кто после смерти оставит о себе память вследствие своих заслуг (τὸν δὲ μετὰ τὴν τελευτὴν δι' ἀρετὴν μνημονευθησόμενον), и дома живущих называют пристанищами (καταλύσεις), ибо мы живем в них недолгое время, а гробницы умерших нарекают вечными домами (αἰδίουσ οἴκους), ибо в потустороннем мире пребывают вечно (ὡς ἐν ἄδου διατελούντων τὸν ἄπειρον αἰῶνα); поэтому-то они так пренебрежительно относятся постройке домов, и, напротив, не оставляют крайне честолюбивого рвения к [постройке] гробниц.

Этот город (sc. Мемфис), как говорят некоторые, получил свое название от имени дочери царя, основавшего его. Ее, как рассказывают, страстно полюбила река Нил, превратившаяся в быка (ὁμοιωθέντα ταύρω), и [они] породили известного среди местных жителей своей доблестью Египта, от имени коего стала называться целая страна. Унаследовав власть, он сделался человеколюбивым, справедливым и вообще во всем добродетельным (καθόλου σπουδαῖον ἐν πᾶσι) царем; посему-то за свою доброту он и удостоился всеобщего одобрения.

Спустя двенадцать поколений после этого царя власть над Египтом унаследовал Мэрид (Μοῖρις), который выстроил в Мемфисе северные ворота, величием превосходящие все прочие, а в десяти схенах (схен = 30 стадиям) выше города вырыл бассейн, удивительный своей пользой и невероятный множеством затраченных [на него] трудов: в окружности он, как говорят, простирался на 3600 стадиев, а в самых глубоких местах достигал 50 оргий. Да и кто, подсчитав объем этого бассейна, не стал бы - вполне обоснованно! - разублаживать, сколько же тысяч человек и за сколько лет создали его? И разве кто мог бы не прославить - совершенно заслуженно! – общую пользу от этого бассейна для жителей Египта, равно как и изобретательность царя (ἔτι δὲ τὴν τοῦ βασιλέως ἐπίνοιαν)?

52

Поскольку Нил разливается не в определенное время (οὐχ ὠρισμένας ἐποιεῖτο τὰς ἀναβάσεις) и от этого зависит плодородие земли (ἢ δὲ χώρα τὴν εὐκαρπίαν παρεσκεύαζεν ἀπὸ τῆς ἐκείνου συμμετρίας), то он (Мэрид) вырыл для вмещения избытка воды бассейн, чтобы река не затопила страну и не сделала бы болот в случае разлива, ни нанесла бы вреда урожаю в случае ухода воды (μὴτ' ἐλάττω τοῦ συμφέροντος τὴν πλήρωσιν ποιοούμενος τῇ λειψυδρίᾳ τοὺς καρποὺς λυμαίνηται).

Также он прорыл от реки к бассейну канал, восемьдесят стадиев в длину и шириною в три плетра; приняв в него реку, он затем отводил ее в сторону и давал крестьянам излишки воды, при этом отпирание и запираение устья [канала] делалось

при помощи хитроумных приспособлений и стоило очень дорого (ἀνοιγομένου τοῦ στόματος καὶ πάλιν κλειομένου φλοτέχνως καὶ πολυδαπάνως). Приходилось тратить не менее пятидесяти талантов, когда он (царь) хотел открыть или закрыть это самое устройство. Бассейн сей приносит египтянам пользу и по сию пору, и носит название по имени своего создателя – «Мэридова заводь» (Μοίριδος λίμνη).

Царь, выкопав этот [бассейн], оставил посреди место, где построил гробницу и две пирамиды – для себя и для жены – в стадий высотой, подле которых поставил каменные скульптуры, восседающие на престоле, думая таким образом оставить о себе бессмертную славу.

Прибыль о улова рыбы в этом бассейне он отдал жене на благовония и прочие украшения (πρὸς μύρα καὶ τὸν ἄλλον καλλωπισμόν), при этом ежедневная прибыль от улова составляла талант серебра. Говорят, что в этом бассейне водилось 22 вида рыб, и ловились они в таком количестве, что те, кто был в большом количестве приставлен [работать] на рыбосолильнях (τοὺς προσκαρτεροῦντας ταῖς ταρχείαις ὄντας παμπληθεῖς), с трудом справлялись с работою.

Вот что повествуют египтяне о Мэриде.

53

Сесоосис (Σεσόωσιν видимо: Сесострис - Σέσωστρις), как говорят, бывший царем семь поколений спустя, совершил деяния еще более великие и выдающиеся, чем его предшественники. Поскольку не только греческие авторы расходятся во мнениях в отношении этого царя, но и египетские жрецы, и те, кто воспел его в песнях говорят разное, то мы попытаемся изложить то, что наиболее заслуживает доверия и особенно то, что совпадает с сохранившимися до нашего времени памятниками в этой стране (τοῖς ὑπάρχουσιν ἔτι κατὰ τὴν χώραν σημείοις τὰ μάλιστα συμφωνοῦντα).

Итак, когда Сесоосис родился, его отец сделал нечто величественное и достойное царя (μεγαλοπρεπές τι καὶ βασιλικόν): собрав со всего Египта родившихся в этот день детей и приставив к ним кормилиц и воспитателей, определил детям одно и то же обучение и воспитания, думая, что именно те, кто вместе воспитан и состоит в тесных отношениях (τοὺς μάλιστα συντραφέντας καὶ τῆς αὐτῆς παρῴρησίας κεκοινωνηκότας), будут самыми преданными и лучшими бойцами в войнах. Снабдив [их] всем необходимым, он укреплял детей постоянными трудными упражнениями в гимназиях: так, никому из них не позволено было получать пищу, если он прежде не пробежал сто восемьдесят стадиев. Поэтому-то, возмужав, они делались бойцами, сильными телом, а душой – способными руководить и выносливыми благодаря полученной закалке.

Сперва Сесоосис, будучи послан отцом вместе с армией в Аравию, в сопровождении своих сотоварищей, усердно охотился и, претерпевая отсутствие и воды, и хлеба, завоевал целое племя арабов, бывшее до того времени непорабощенным; затем, посланный на запад, он покорила большую часть Ливии, сам при этом будучи совсем молодым. Когда же отец его умер, то он, унаследовав власть, побуждаемый прежними своими свершениями, задумал подчинить себе всю ойкумену. Некоторые говорят, что его побудила ко всемирному господству его дочь

Атиртис (ὕπὸ τῆς ἰδίας θυγατρὸς Ἀθύρτιος), причем одни говорят, будто она, отличаясь умом от прочих, научила отца, как легче осуществить поход, а другие [сообщают, что] она владела искусством гадания и умела предсказывать грядущее как на основании [вещих] снов, полученных в храмах, так и на основании небесных знамений. А кое-кто пишет, будто бы в при рождении Сесоосиса его отец во сне получил известие от Гефеста, что родившийся ребенок будет властвовать над миром. Именно по этой-то причине его отец и собрал его сверстником и удостоил их царского обучения, приуготовляя к завоеванию мира, да и сам он, возмужав, уверовал в предсказание бога, что ему суждено предпринять сей поход.

54

Для осуществления этой задумки он перво-наперво он развил у всех обитателей Египта преданность по отношению к нему, рассудив, что - коль скоро он намеревается довести до конца задуманное – следует, дабы отправляющиеся на войну с готовностью умирали за своих вождей, а оставшиеся не устраивали бы никакого переворота (τοὺς δ' ἀπολειπομένους ἐπὶ τῶν πατρίδων μηδὲν νεωτερίζειν). Поэтому он благодетельствовал всех тем, что было у него в запасе, одних привязав к себе имущественными дарами, других одарив землей, третьих избавив от наказания, и снискал всеобщее расположение речами и милостью; освободил от наказания всех, обвиненных в преступлениях против царя (τῶν τε γὰρ βασιλικῶν ἐγκλημάτων ἅπαντας ἀθώους ἀφῆκε), и отпустил заключенных за долги (а народу в узилищах было много).

Всю страну он разделил на 36 частей, которые египтяне называют «номами», и поставил на ними номархов, надзирающих за царскими доходами и управляющих всем, что находится на вверенных им частях.

Из [тамошних] мужчин он отобрал наиболее сильных и собрал армию, достойную величия [этого] предприятия (т.е. мирового похода); [войско] составляло 600 000 пехоты, 24 000 конницы и 27 000 боевых колесниц.

Для управления воинскими подразделениями он назначил своих со-воспитанников, уже закаленных в битвах, с детства взыскующих доблести и испытывающих братскую преданность как к царю, так и друг к другу; было их больше 1700. Всем им он распределил лучшую часть земли, дабы они, имея достойный доход и ни в чем не нуждаясь, упражнялись бы в воинском искусстве (ὅπως ἔχοντες ἰκανὰς προσόδους καὶ μηδενὸς ἐνδεεῖς ὄντες ἀσκῶσι τὰ περὶ τοὺς πολέμους.)

55

Приготовив войско, он напал сперва на эфиопов, обитающих на юге: покорив их, он заставил [этот] народ платить дань эбеновым деревом, золотом и словновой костью. Затем он отправил в Красное море флот из 400 кораблей, первым из египтян построив большие суда, и захватил тамошние острова и части материка вплоть до Индии, а сам с войском, пройдя посуху, завоевал всю Азию. Он захватил не только земли, оставшиеся после Александра Македонского, но также и области тех народов, к которым последний даже и не вторгался: [а именно] он перешел реку Ганг и

захватил всю индийскую землю вплоть до океана, а [землю] скифского народа – вплоть до реки Танаид (совр. Дон), отделяющей Европу от Азии; говорят, что оставшиеся у Мэотиды египтяне [позднее] положили начало племени колхов (τῶν Αἰγυπτίων τινὰς καταλειφθέντας περὶ τὴν Μαῖωτιν λίμνην συστήσασθαι τὸ τῶν Κόλχων ἔθνος). Знаком же причастности этого племени к египтянам служит то, что они обрезаются почти как египтяне, потому как этот обычай сохраняется у [египетских] колонистов, так же как и у иудеев.

Подобным же образом он подчинил и остальную Азию и большую часть Кикладских островов. Однако, когда он перебрался в Европу и прошел всю Фракию, возникла опасность для войска из-за отсутствия пищи и труднопроходимой местности; поэтому пределы своему походу он положил во Фракии, установив многочисленные стелы в завоеванных им областях, - стелы эти содержали надпись, сделанную египетскими иероглифами, гласящую: «Сию землю своим оружием захватил царь царей и владыка владык Сесоосис». К тому же на каждой стеле был изображен половой орган: у воинственных народов – мужской, у слабых и покорных – женский, ибо, как полагал Сесоосис, по [изображению] главного органа для потомков станет более ясным дух каждого из [покоренных им] народов. В некоторых же местах он сделал собственные каменные изображения, держащие лук и копье, высотой в четыре локтя и еще четыре палесты (τῷ μεγέθει τέτταρσι παλαισταῖς μείζονα τῶν τεττάρων πηχῶν палеста = 77 мм.), ибо такого роста он и был (ἡλίκος ὢν καὶ αὐτὸς ἐτύγγανεν). Мягко относясь к покоренным и через девять лет завершив свой поход, он повелел [покоренным] народам по мере возможности приносить ежегодную дань в Египет, а сам, собрав несметное множество пленников и прочей добычи, отбыл на родину, превзойдя [таким образом] подвиги своих предшественников.

Все египетские храмы он украсил ценнейшими дарами и снятыми с вражеских воинов доспехами (ἀναθήμασιν ἀξιολόγοις καὶ σκύλοις ἐκόσμησε), а наиболее отличившихся из своих солдат он почтил по достоинству подарками. Да и вообще, не только войско, показавшее вместе с царем свою доблесть с триумфом вернулось, стяжав трофеи, но и сам Египет получил всевозможную выгоду.

56

Итак, Сесоосис, избавив народ от военных дел, позволил своим сотоварищам по оружию вкушать в мире и спокойствие добытые трофеи: ведь он сам, весьма любя славу и стремясь стяжать себе память на века, сотворил дела великие и вызывающие удивление как своими замыслами, так и [истраченными на них] расходами, себе добыв бессмертную славу, а Египту – покой и безопасность на все времена.

Итак, прежде всего он начал с богов, построив во всех городах Египта святилище наиболее почитаемому всеми божеству. К работе над ними он не привлек ни одного египтянина, все было построено только силами пленников: по этой-то причине в храмах содержались надписи, что ни один местный житель не мучился при их постройке.

Рассказывают, что те из пленных, что были захвачены в Вавилонии, восстали против царя (ἀποστῆναι τοῦ βασιλέως), не в силах выносить мучительных работ, и,

захватив некую местность у реки, силою сопротивлялись египтянами и разрушили близлежащую область; а когда наконец им была дана свобода, они заселили это место, которое и назвали по имени их [родины] Вавилоном.

Примерно так же, как говорят, получила свое название и Троя, которая и поныне сохраняется возле Нила: Менелай, плывя из Илиона с пленными, прибыл в Египет, пленные троянцы взбунтовались против него, захватили некое место и сражались, доколе, не получив свободы, не построили город, которому дали имя своей отчизны.

Небезызвестно мне также, что относительно вышупомянутых городов Ктесий из Книда рассказывает иначе, говоря, что их построили некоторые из прибывших в Египет вместе с Семирамидой, дав им названия своих родных городов.

Конечно, нелегко с точностью изложить [всю] правду об этом, и необходимо записать разные мнения авторов, дабы у читающих могло сложиться чистое суждение об истине (ὅπως ἀκέραιος ἢ περὶ τῆς ἀληθείας κρίσις ἀπολείπεται τοῖς ἀναγινώσκουσιν).

57

Сесоосис, создав много больших насыпей, переместил туда города, почва которых в силу природных условий находилась в низинах (ὅσαι μὴ φυσικῶς τὸ ἔδαφος ἐτύγχανον ἐπηρμένον ἔχουσαι), чтобы в случае разлива реки и люди, и скот имели возможность безопасно покинуть [эти места] (ὅπως κατὰ τὰς πληρώσεις τοῦ ποταμοῦ καταφυγὰς ἔχουσιν ἀκινδύνους οἱ τε ἄνθρωποι καὶ τὰ κτήνη). По всей стране от Мемфиса до моря он прорыл густую сеть [отходящих от] реки каналов (ᾧρουξε πυκνὰς ἐκ τοῦ ποταμοῦ διώρυχας), дабы облегчить и сократить доставку урожая, дабы сообщение между людьми осуществлялось безопасно и во всех местах процветало бы довольство (ταῖς δὲ πρὸς ἀλλήλους τῶν λαῶν ἐπιμιξίαις καὶ πᾶσι τοῖς τόποις ὑπάρχη ῥαστώνη καὶ πάντων τῶν πρὸς ἀπόλαυσιν πολλὴ δαψίλεια). Самое же главное, что он сделал страну практически недоступной для вражеских набегов, ибо во времена его предшественников самая важная часть Египта была доступна для конницы и боевых колесниц, а со времени его правления, благодаря многочисленным отводным каналам, стала крайне труднопроходимой.

Направленную к югу часть Египта он обнес стеною от Пелусия до Гелиополя через пустыню для [защиты] от набегов [народов] Сирии и Аравии длиною в 1500 стадиев. Также он построил корабль из кедрового дерева длиною в 280 локтей, покрытый снаружи золотом, изнутри – серебром. Этот корабль он посвятил наиболее чтимому в Фивах божеству, а также [воздвиг] два каменных обелиска из твердого камня в 120 локтей высотой, на которых написано было о величии власти, и о множестве прибыли, и о числе покоренных народов. В Мемисе же он [воздвиг] в святилище Гефеста два высеченных из цельного камня изображения – себя и супруги высотой в 30 локтей, а также [изображения] сыновей высотой в 20 локтей; [а сделал он это] по следующему поводу.

Когда Сесоосис возвращался из своего великого похода назад в Египет и задержался в Пелусии, то принимавшей его вместе с женою и детьми брат злоумышлял против него: когда они, опьяненные, заснули, он, уже давно заготовив

множество сухого тростника, принес его ночью к [их] палатке и поджег. Когда огонь внезапно вспыхнул, то приставленные охранять царя толком не могли оказать помощь (παρεβοήθουν ἀγεννῶς), ибо были пьяны, а сам Сесоосис, воздев обе руки и взмолившись богам о спасении жены и детей, прорвался сквозь пламя (διεξέπεσε διὰ τῆς φλογός). Чудом спасшись (σωθεὶς δὲ παραδόξως), он почтил прочих богов подношениями, как уже было сказано выше, но особенно – Гефеста, потому что именно он даровал спасение (ὡς ὑπὸ τούτου τετευχῶς τῆς σωτηρίας).

58

Из всего множества великих свершений Сесоосиса наиболее примечательным кажется то, как он обращался во время своих походов с [иностранными] правителями. Те из числа покоренных народов, кому он позволил властвовать (οἱ τε τὰς συγκεχωρημένας βασιλείας ἔχοντες), и те прочие, кто удостоился высокого начальственного поста (τῶν ἄλλων οἱ τὰς μεγίστας ἡγεμονίας παρειληφότες), прибывали в Египет в установленные сроки, принося дары; приняв их, царь удостаивал их чести и отличал во всех прочих [отношениях], но когда он решал выехать в святилище или в город, то выпрягал из своей четверни четырех коней и вместо них впрягал царей и иных правителей, показывая тем самым, как он полагал, всем, что в битве за доблесть он победил самых лучших и отличающихся смелостью и что не имеет [противника,] могущего сравниться с ним [в отваге] (οὐκ ἔχει τὸν δυνάμενον συγκριθῆναι). Сей царь, кажется, превзошел всех когда-либо бывших владык и воинскими деяниями, и величием и обилием даров и сооружений, возведенных по [всему] Египту. Проществовав 33 года, он добровольно ушел из жизни, когда ослеп (ἐκ προαιρέσεως ἐξέλιπε τὸν βίον, ὑπολιπόντων αὐτὸν τῶν ὀμμάτων): поступив так, он вызвал изумление не только жрецов, но и всех остальных египтян, т.к. полагал окончить жизнь сообразно величии своих деяний (ὄξας τῇ μεγαλοψυχίᾳ τῶν πεπραγμένων ἀκόλουθον πεποιῆσθαι τὴν τοῦ βίου καταστροφὴν).

И настолько сильна была его слава и так долговечна, что когда много поколений спустя Египет пал под властью персов и Дарий, отец Ксеркса, стремился водрузить в Мемфисе свою статую вместо статуи Сесоосиса, то главный жрец, держа слово на собрании жрецов, возразил, говоря, что Дарий не превзошел деяний Сесоосиса, а царь несколько не разгневался, но, напротив, обрадовался [такой] откровенности [главного жреца] и сказал, что стремится ни в чем не уступить [Сесоосису], будучи такого же возраста (ὅπως κατὰ μηδὲν ἐκείνου λειφθείη βιώσας τὸν ἴσον χρόνον); [потому] он просил сравнивать дела, совершенные [обоими царями] в одинаковом возрасте, поскольку это-то и будет истинным мериллом доблести (παρεκάλει συγκρίνειν τὰς ἡλικιώτιδας πράξεις· τοῦτον γὰρ δικαιοτάτον ἔλεγχον εἶναι τῆς ἀρετῆς).

В том же, что касается Сесоосиса, то мы будем руководствоваться тем, что было сказано выше (περὶ μὲν οὖν Σεσοώσιος ἀρχεσθησόμεθα τοῖς λόγοις τοῖς ῥηθείσιν.).

59

Его сын, унаследовав от отца власть и имя, не совершил, впрочем, никаких воинских подвигов или чего-либо достойного упоминания; с ним, однако, приключилось несчастье в своем роде (συμπτώματι δὲ περιέπεσεν ἰδιάζοντι). Дело в том, что он лишился зрения, то ли из-за наследственности (букв. «из-за общей с отцом природы» - διὰ τὴν πρὸς τὸν πατέρα τῆς φύσεως κοινωνίαν), то ли, как баснословят некоторые, из-за непочтительного отношения к реке, которую, во время шторма, он поразил копьем (διὰ τὴν εἰς τὸν ποταμὸν ἀσέβειαν, ἐν ᾧ χειμαζόμενός ποτε τὸ φερόμενον ῥεῦμα κατηκόντισε). Вынужденный из-за [такого] несчастья прибегать к помощи богов, он довольно долгое время умилялся божество [реки] многочисленными жертвоприношениями, но не получал исцеления (οὐδεμίᾳς ἐτύχανε πολυωρίας). Наконец на десятый год было ему прорицание, чтобы он почтил бога в Гелиополисе и помазал лицо мочой женщины, не знавший другого мужчины [кроме мужа], и он, исследовав многих женщин, начиная со своей жены, ни одну не нашел непорочной, кроме [жены] некоего садовника, которую, выздоровев, и взял в жены; остальных женщин он сжег заживо в некоей деревне, которую египтяне из-за этого события называли «священным полем» (ἣν Αἰγύπτιοι διὰ τὸ σύμπτωμα τοῦτο προσηγόρευσαν ἱερὰν βῶλον); в подарок же божеству в Гелиополе за исцеление он поставил два высеченных из цельного камня обелиска, шириною в восемь, а высоту – в сто локтей.

60

Следующие за этим царем преемники в большинстве своем ничего примечательного не совершали. А много поколений спустя живший Амасид правил людьми крайне жестоко (πολλαῖς δ' ὕστερον γενεαῖς Ἄμασις γενόμενος βασιλεὺς ἤρχε τῶν ὄχλων βιαιότερον): многих он наказывал не по-справедливому, немало людей лишил их имущества и со всеми обращался весьма презрительно и пренебрежительно. До некоторого времени страдальцы [эти] терпели, не имея возможности сопротивляться тем, кто обладал большей силою (οὐ δυνάμενοι κατ' οὐδένα τρόπον ἀμύνασθαι τοὺς πλέον ἰσχύοντας); но когда Актисан, царь эфиопов (Ἀκτισάνης ὁ τῶν Αἰθιοπῶν βασιλεὺς), пошел на него (sc. Амасида) войной, то чаша терпения переполнилась (букв. «настало время ненависти» - τότε τοῦ μίσους καιρὸν λαβόντος), и многие отступили от царя. Поэтому он с легкостью был разбит, Египет пал под властью эфиопов, а Актисан, разумно восприняв свою победу, отнесся к побежденным милосердно (ὁ δ' Ἀκτισάνης ἀνθρωπίνως ἐνέγκας τὴν εὐτυχίαν ἐπιεικῶς προσεφέρετο τοῖς ὑποτεταγμένοις): так, он принял своеобразное решение в отношении разбойников, с одной стороны не наказывая виновных смертью, с друго – не оставляя их совсем без наказания. Приведя со всей страны обвиняемых в злодеяниях и проведя дознание относительно их невиновности (ἣν διάγνωσιν αὐτῶν δικαιοτάτην ποιησάμενος), он собрал всех виноватых, усек им носы и поселил в отдаленных местах в пустыне, построив им город, получивший из-за этого, что случилось с его жителями, название Риноколура (Ῥινोकόλουρα – Лишенный носа).

Сам этот город, будучи расположен на границе Египта и Сирии, недалеко от морского побережья, лишен почти всего необходимого для человека пропитания;

его окружает область, изобилующая солью, и только внутри городской стены в колодце есть вода, правда испорченная и совершенно горькая на вкус. [Актисан] поселил их в этом месте для того, чтобы, с одной стороны, они, сохраняя свои разбойничьи привычки (τοὺς ἐξ ἀρχῆς ἐπιτηδευθέντας βίους διατηροῦντες), не вредили невинным людям, с другой же – чтобы они незаметно не смешались бы с [другими] людьми. И, даже будучи изгнанными в пустынную и почти лишенную всего необходимого область, они придумали, как им жить в столь тяжелых условиях, поскольку сама природа заставила их изобретать уловки [для выживания] в такой обстановке (ἐπενόησαν βίον οἰκεῖον τῆς περὶ αὐτοὺς ἐνδείας, ἀναγκαζούσης τῆς φύσεως πρὸς τὴν ἀπορίαν πάντα μηχανᾶσθαι). Нарубив тростника в соседней области, они изготовили огромную льняную сеть и, натянув ее на побережье на расстоянии многих стадиев, стали таким образом ловить перепелов: ибо те, [летя со стороны] моря, собирались в большие стаи, и [жители Риноколуры], охотясь на них, добывали себе немало пропитания.

61

После того, как этот царь (sc. Актисан) умер, египтяне вновь завладели властью и возвели на престол местного царя Мендеса (ἐγχώριον βασιλέα Μένδην), которого некоторые называли еще Маррос (Μάρρονον). Он не совершил никакого воинского подвига, но воздвиг для себя гробницу, называемую Лабиринт, не столько вызывающую удивление количеством затраченного на нее труда, сколько неповторимую по искусству и мастерству исполнения: дело в том, что всякий входящий в нее едва ли мог найти выход, если с ним не было очень опытного проводника. Рассказывают также, что Дедал, прибывши в Египет и изумившись мастерству строения, создал для критского царя Миноса лабиринт, подобный египетскому; в нем, как повествует предание, жил так называемый Минотавр. Однако критский лабиринт полностью исчез, то ли разрушенный каким-нибудь правителем, то ли не пощаженный временем, а египетский сохранился в целостности и сохранности вплоть до наших дней.

62

После смерти этого царя в течение пяти поколений в Египте было безвластие; [наконец,] один из числа незнатных людей был избран царем, которого египтяне называли Кетес (ὀνομάζουσι Κέτηνα), а у греков он был известен как Протей (Πρωτεύς), живший во время троянской войны. Он по преданию (τούτου δὲ παραδεδομένου) был опытен в [искусстве повелевания] ветрами и мог превращать свой облик то в звериные образы, то в дерево, то в огонь, то еще во что-нибудь; подобное этому сообщали и жрецы. [Предание о том,] что он повелевает этими [стихиями, возникло] из его тесного общения со звездочетами, а греческие мифы об изменениях облика – из принятого у [египетских] царей следующего обычая. Дело в том, что в обычае у египетских правителей было водружать на голову морду льва, быка или змеи – символы власти, а иногда деревья, или огонь, к тому же нередко много было на головах и благовоний, - тем самым они и украшали себя, и вместе с тем приводили в ужас и благоговение других.

Унаследовавший после смерти Протея власть его сын Ремфис провел всю свою жизнь в заботе о прибыли и собирании отовсюду богатства, а по своей жадности до серебра и низости характера (διὰ δὲ μικροψυχίαν καὶ φιλαργυρίαν ἤθους) ничего не потратил ни на дары для богов, ни на жертвоприношения для людей.

Посему, будучи скорее хорошим управляющим, нежели царем, он вместо мужественной славы оставил после себя денег больше, чем кто-либо из его предшественников, - по преданию, он накопил серебра и золота на четыреста тысяч талантов.

63

После того как он умер, власть в течение 7 поколений наследовали ленивые и занимающиеся только роскошью и удовольствием [люди]. Поэтому в священных записях не упоминается ни одной сделанной ими постройки, ни одного достойного упоминания деяния, за исключением лишь некоего Нилея (πλὴν ἐνὸς Νειλέως), по имени коего, очевидно, называется река Нил, прежде называвшаяся Египтом: дело в том, что он сделал много удобных водоотводных каналов, считая для себя делом чести [способствовать] полезности Нила, и таким образом стал причиной такого имени для реки.

Будучи восьмым по счету царем, Хеммис Мемфисский (Χέμμισ ὁ Μεμφίτης sc. Хеопс) процарствовал пятьдесят лет и построил величайшую из трех пирамид, входящих в число семи чудес света (κατεσκεύασε δὲ τὴν μεγίστην τῶν τριῶν πυραμίδων τῶν ἐν τοῖς ἑπτὰ τοῖς ἐπιφανεστάτοις ἔργοις ἀριθμουμένων). Эти [пирамиды], расположенные в прилегающей к Ливии области Египта, отстоят от Мемфиса на 120 стадиев, а от Нила – на 45, внушают зрителю изумление как величиим трудов, так и искусством [с которым они выполнены]. Самая большая [пирамида,] будучи четырехугольной формы, у основания с каждой стороны достигает семи плетров, а в высоту – больше шести; к вершине же она понемногу сужается, при этом каждая сторона составляет по шесть локтей. Вся она сделана из твердого камня, и хотя много на нее положено изнурительного труда, сохраняется она на века (τὴν μὲν ἐργασίαν ἔχοντος δυσχερῆ, τὴν δὲ διαμονὴν αἰώνιον): ведь несмотря на то, что, как говорят одни, прошло до наших дней не меньше тысячи лет (а иные пишут, что более 3400 лет), камни, тем не менее, сохраняют изначальное расположение, да и все строение пребывает в целостности и сохранности (τὴν ὅλην κατασκευὴν ἄσσηπτον διαφυλάττοντες). Камень, говорят, доставили через большое расстояние из Аравии, постройка осуществлялась при помощи насыпей (ибо в те времена не было еще изобретено никаких приспособлений); самое же удивительное, что – при том, что было затрачено столько трудов, а местность вокруг полна песка – не осталось и следа ни насыпи, ни обломков обтесанного камня, так что кажется, будто бы не постепенными усилиями людей, но внезапно сразу неким богом эта конструкция целиком была помещена в пески.

Некоторые египтяне рассказывают об этом такие басни: поскольку насыпи были сделаны из соли и щелока, то река их растворила и уничтожила следы человеческой деятельности. На самом же деле, насыпи, созданные множеством рук, были разобраны обратно (διὰ δὲ τῆς πολυχειρίας τῆς τὰ χώματα βαλοῦσης πάλιν τὸ

πᾶν ἔργον εἰς τὴν προὔπαρχουσαν ἀποκατεστάθη τάξι), ибо, как говорят, 360 000 человек были заняты на этих работах, а постройка была закончена лишь спустя двадцать лет.

64

Когда этот царь умер, власть воспринял его брат Кефрен (ὁ ἀδελφὸς Κεφρήν), процарствовавший пятьдесят шесть лет; иные же утверждают, что власть получил не брат, а сын по имени Хабрюэс (ὄνομαζόμενον Χαβρύην). Все, впрочем, сходятся в том, что преемник, позавидовав решению своего предшественника, тоже построил пирамиду, искусством исполнения подобную первой, но весьма уступающую ей в размере, ибо каждая ее сторона у основания была, как говорят, размером всего в стадий.

На большой [пирамиде] было написано количество затраченных на ее постройку средств: например, показывалось, что на зелень и редис для строителей было потрачено более 1600 талантов.

Малая была без надписи, но с одной стороны имелись вырезанные ступени (ἀνάβασιν δ' ἔχει διὰ μιᾶς τῶν πλευρῶν ἐγκεκολαμμένην). Впрочем, ни тому, ни другому царь, хоть они и приготовили себе пирамиды в качестве гробниц, не удалось быть погребенными в них: народ, - из-за страданий, связанных с этим строительствами и из-за жестокости царей по отношению к ним, - разгневался на виновников [этих строительств] и грозился растерзать их тела и с глумлением выбросить из гробниц (μεθ' ὕβρεως ἐκρίψειν ἐκ τῶν τάφων), - вот почему каждый из царей завещал своим приближенным тайно и в неизвестном месте захоронить их тела.

После них царем был Микерин, коего некоторые называют Менхерином (ὅν τινες Μεγχερίνον ὀνομάζουσιν), сын построившего первую пирамиду. Он задумал построить третью пирамиду, но умер прежде, чем завершилось строительство. [В этой пирамиде] каждая сторона у основания составляла три плетра, стены были сложены из 50 слоев (τοὺς δὲ τοίχους ἐπὶ μὲν πεντεκαίδεκα δόμους κατεσκεύασεν) черного камня, подобного фиванскому, в остальном она была выполнена из камней, подобных тем, из которых были построены остальные пирамиды. И хотя величиной эта пирамида и уступала двум предшествующим, искусством исполнения и роскошью камня она превосходила их; на северной ее стороне было начертано, что ее построил Микерин. Он, говорят, ненавидел жестокость своих предшественников и стремился жить в мире, совершая благодеяния своим подчиненным и делая много другого, что могло бы вызвать у простого народа расположение к нему, а также тратил немалые средства на общественные дела, давая дары тем из достойных людей, кого, как казалось, в судах рассудили не должным образом (διδόντα δωρεὰς τῶν ἐπιεικῶν τοῖς δοκοῦσιν ἐν ταῖς κρίσεσι μὴ κατὰ τρόπον ἀπαλλάττειν).

Имеется также еще три пирамиды, у каждой из которых стороны составляют плетр, во всем остальном они подобны прочим пирамидам, кроме величины: говорят, что вышеупомянутые цари построили их для своих жен.

Общепризнано то, что эти постройки отличаются от прочих египетских строений не только затраченными на них трудами и средствами, но и искусством

строителей. Говорят, что следует удивляться более самим строителям, нежели царям, потратившим на эти пирамиды деньги, потому что первые совершили и довели до конца задуманное благодаря своим душам и честолюбию, а вторые – за счет унаследованных сокровищ и чужой нищеты.

Впрочем, что касается пирамид, то ни у местных жителей, ни у писателей [повествующих о них] нет полного согласия: одни говорят, что их построили эти вышеупомянутые цари, другие – что иные: так, например, говорят, что большую пирамиду построил Армэй (Ἀρμαῖον), вторую – Амосис (Ἀμωσίω), третью – Инар (Ἰναρῶν). А некоторые утверждают, что она (т.е. третья пирамида) была усыпальницей гетеры Родопис, любовниками которой были некоторые номархи; они-то - из нежной к ней привязанности - сообща и построили это сооружение.

65

После вышеупомянутых царей власть перешла к Бокхориду, хотя и вызывавшему своим внешним видом презрение, весьма превосходившему однако всех своих предшественников остроумием. Много лет спустя царствовал над Египтом Сабакон (Σαβάκων), родом эфиоп, отличавшийся от предшественников и благочестием, и честностью. Примером его милосердия можно взять то, что он отменил величайшее из традиционных наказаний – я имею в виду лишение жизни: вместо смерти он заставил виновных работать закованными [в цепи] в городах на общественных работах (ἀντὶ γὰρ τοῦ θανάτου τοὺς καταδικασθέντας ἠνάγκαζε λειτουργεῖν ταῖς πόλεσι δεδεμένους), и с их помощью построил большие насыпи, а также вырыл много удобных отводных каналов, - таким вот образом решил с одной стороны уменьшить строгость наказания виновным, и принести большую пользу города взамен бессмысленных наказаний.

А о высоте его благочестия можно судить по тому видению, что явилось ему во сне, и по отречению от власти. Привиделось ему во сне, будто божество из Фив сказала, что он не сможет царствовать в Египте в спокойствие и долгое время, если не разрубит всех жрецов и не пройдет через [их разрубленные тела] вместе со свитой. И поскольку это видение повторялось постоянно, он послал за жрецами со всей страны и сказал, что, оставаясь в Египте, он тем самым огорчает божество, иначе не последовало бы ему во сне такого повеления (οὐ γὰρ ἂν αὐτῷ τοιαῦτα προστάττειν κατὰ τὸν ὕπνον). [Он сказал, что] желает скорее уйти чистым от всякой скверны и препоручить свою жизнь судьбе, чем править Египтом, оскорбляя бога и осквернив себя нечестивым убийством (ἀπελθὼν οὖν βούλεσθαι καθαρὸς παντὸς μύσου ἀποδοῦναι τὸ ζῆν τῇ πεπερωμένῃ μᾶλλον ἢ λυπῶν τὸν κύριον καὶ μίανας ἀσεβεῖ φόνῳ τὸν ἴδιον βίον ἄρχειν τῆς Αἰγύπτου). И в конце концов передав власть местным жителям, он вернулся в Эфиопию.

66

Когда в Египте в течение двух лет воцарилось безвластие и простой народ обратился к беспорядкам и убийствам единоплеменников, то 12 величайших военачальников заключили союз: собравшись в Мемфисе и подписавши договор о взаимном доверии и единомыслии, они провозгласили себя царями. Прощаившись

согласно договору и взаимным клятвам 15 лет и сохраняя единомыслие, они решили возвести для себя общую гробницу, чтобы как при жизни они, согласуясь [в управлении] друг с другом, удостоились общих почестей, так и после смерти приготовленная гробница, где будут лежать их тела, вместила бы в одном месте славу упокоившихся в ней. С большим рвением в этом предприятии они постарались превзойти величию все строения [царей,] бывших до них. Выбрав место у входа в Мэридову гавань, что в Ливии, они построили гробницу из самых отборных камней, и сделали ее в виде четырехугольника, каждая сторона которого составляла стадий; потомкам они не оставили возможности превзойти те резные украшения и прочие изыски, [что были в этой гробнице] (ταῖς δὲ γλυφαῖς καὶ ταῖς ἄλλαις χειροῦργίαις ὑπερβολὴν οὐκ ἀπέλιπον τοῖς ἐπιγινόμενοις.). Входящий через ограду оказывался в здании, обнесенном колоннами, по сорок с каждой стороны, с высеченным из цельного камня потолком штучной работы, пестро изукрашенным разными изображениями (καὶ τοῦτου μονόλιθος ἦν ὄροφή, φάτναις διαγεγλυμμένη καὶ γραφαῖς διαφόροις πεποικιλμένη). Содержатся там записи о родине каждого из царей, о тамошних храмах и жертвоприношениях; выполнены эти записи весьма искусным письмом (ὑπομνήματα ... ταῖς καλλίσταις γραφαῖς φιλοτέχνως δεδημιουργημένα).

Да и вообще, говорят, что цари эти создали настолько дорогостоящий и настолько великолепный план гробницы, что, если бы не умерли до завершения сей задумки, то несомненно не оставили бы никому ни малейшей возможности превзойти себя в этой постройке.

После того, как они процарствовали в Египет 15 лет, случилось так, что власть перешла к одному человеку; [произошло это] по следующей причине. Псамметих из Саиса, будучи одним из 12 царей и владея над приморскими областями, поставлял товары всем купцам, особенно же – финикийцам и грекам. Таким образом поставляя с выгодой товары из своей страны и получая продукты, производимые у других народов, он не только стяжал великую выгоду, но и дружбу с иными народами и правителями. Поэтому-то, говорят, другие цари, позавидовав ему, пошли на него войной. А некоторые из древних авторов сообщают, будто правителям было дано предсказание, что тот, кто первым в Мемфисе, совершит из медной чаши возлияние божеству, будет править всем Египтом. И якобы Псамметих, когда один из жрецов вынес из святилища 12 золотых кубков, сняв шлем, совершил возлияние. Его соправители с подозрением отнеслись к этому поступку, но не стали его умерщвлять, а изгнали и повелели жить в болотистых областях у моря (προστάξει διατρέβειν ἐν τοῖς ἔλεσι τοῖς παρὰ θάλατταν). И вот когда – по этой ли причине, или из-за зависти – возник раздор [между царями и Псамметихом], Псамметих, приведя из Кари и Ионии наемников, одержал победу в битве около города, называемого Момемфис (ἐνίκησε παρτάξει περὶ πόλιν τὴν ὀνομαζομένην Μώμεμφιν); что же касается царей, то одни из них пали в битве, а другие, изгнанные в Ливию, не имели более возможности оспаривать [у него] власть.

67

После того, как Псамметих получил власть над всем [египетским] царством, он во-первых построил для мемфисского божества восточные пропилеи и ограду для храма, поставив вместо колонн колоссы в 12 локтей; во-вторых наемникам, помимо обговоренного жалованья, дал значительные подарки и пожаловал для жилья место, называемое «Лагеря» (τὰ καλοῦμενα στρατόπεδα τόπων), и много земли чуть выше Пелусия; позднее Амасид, царствовавший много лет спустя, переселил их оттуда в Мемфис.

Добившись власти посредством наемников, Псамметих и в прочих властных делах доверял им и собрал великое войско иноземцев. И вот когда он пошел походом на Сирию и в битвах оказывал предпочтение наемникам и ставил их в правой части [строю], а местных не уважал и ставил в левое крыло, египтяне, раздраженные оскорблениями, будучи числом 200 000 человек, восстали и выдвинулись в Эфиопию, порешив сами приобрести себе землю; царь сперва послал нескольких военачальников извиниться за оскорбление, но, когда они не обратили на тех внимания, сам с сотоварищами отправился в погоню на кораблях. И когда они, идя по течению Нила, уже пересекали рубежи Египта, он молил их передумать и вспомнить о храмах, родине, а также о женах и детях. Они же все вместе закричали, стали бить копьями о щиты и заявили, что, покуда они владеют оружием, смогут легко найти себе родину; задравши одеяния и показывая детородные органы, сказали, что, имея их, не будут испытывать нужду ни в женах, ни в детях. Итак, обладая таким мужеством и презрев все то, что считается у прочих людей самым важным (καταφρονήσαντες τῶν παρὰ τοῖς ἄλλοις μεγίστων εἶναι δοκούντων), они захватили лучшую часть Эфиопии и, разделив тамошнюю землю, поселились на ней.

Псамметих, хоть и был немало расстроен этим, все же, приведя в порядок дела в Египте и заботясь о доходах, заключил союз с афинянами и некоторыми другими эллинами. Оказывал он расположение тем из чужеземцев, кто добровольно перебрался в Египет, и, сам любя все греческое (φιλέλλην ὢν), в особенности дал греческое образование своим сыновьям; он первым из египетских царей открыл для других народов по всей стране эмпории (торговые фактории), давая прибежище приплывавшим иностранцам. Дело в том, что его предшественники закрыли Египет для чужеземцев, и одних из приплывавших туда убивали, а иных брали в рабство. Особенно у греков была знаменита нечестивость во времена правления Бусириса, – из-за жестокого обращения с иноземцами, – не столько бывшая правдой, сколько вошедшая в предание из-за особенного беззакония [по отношению к иностранцам] (καὶ γὰρ ἡ περὶ τὸν Βούσιριν ἀσέβεια διὰ τὴν τῶν ἐγχωρίων ἀξενίαν διεβοήθη παρὰ τοῖς Ἕλλησιν, οὐκ οὔσα μὲν πρὸς ἀλήθειαν, διὰ δὲ τὴν ὑπερβολὴν τῆς ἀνομίας εἰς μύθου πλάσμα καταχωρισθεῖσα.)

68

Через четыре поколения после Псамметиха на 22 года воцарился Априй (Ἀπρίης). Он, отправившись с огромной пехотой и флотом против Кипра и Финикии, приступом взял Сидон, а прочие финикийские города, устранив, подчинил себе; также в великом морском сражении он победил жителей Финикии и Кипра и со

множеством трофеев вернулся в Египет. После этого он послал большое войско соплеменников против Кирены и Барки; и когда он потерял большую часть этого войска, то уцелевшие отшатнулись от него (καὶ τὸ πλεῖστον αὐτῆς ἀποβαλὼν, ἀλλοτρίους ἔσχε τοὺς διασωθέντας), ибо, решив, что он послал войско на погибель, дабы надежнее править оставшимися египтянами, они восстали. Посланный к ним Амасид, известный среди египтян, пренебрег данными [Априем] наставлениями о примирении, и напротив, также отшатнувшись [от Априя], присоединился к ним и был избран царем.

Когда же в скором времени восстали и все прочие египтяне, царь, оказавшись в затруднительном положении, был вынужден прибегнуть к помощи наемников числом в 30 000 тысяч человек. В завязавшемся сражении возле деревни Маррея (περὶ τὴν Μάρρειαν κώμην) египтяне победили, и схваченный Априй был казнен через удушение. А Амасид, устроив государственные дела так, как ему казалось правильным, законно стал править египтянами и заслужил великую похвалу (Ἀμασις δὲ διατάξας τὰ κατὰ τὴν βασιλείαν ὡς ποτ' ἔδοξεν αὐτῷ συμφέρειν, ἦρχε νομίμως τῶν Αἰγυπτίων καὶ μεγάλης ἐτύχχανεν ἀποδοχῆς.). Он покорила кипрские города и украсил дивным статуями многие храмы. Процарствовав 55 лет, оно окончил свою жизнь в тот год, когда царь персов Камбиз пошел походом на Египет, т.е. в 3-й год 63-й Олимпиады, когда Парменид из Камарина одержал победу в беге (ἦν ἐνίκα στάδιον Παρμενίδης Καμαριναῖος.).

69

Поскольку мы уже довольно подробно изложили деяния египетских царей начиная с древности и вплоть до Амасида, то о прочих мы напишем в [разделах, посвященных] их периодам [правления]; ныне же в [следующих] главах мы расскажем о самых удивительны и могущих оказаться полезными для читателя законах среди египтян. Ведь многие из египетских обычаев заслужили похвалу не только у местных жителей, но вызывали немалое восхищение и у эллинов; потому-то величайшие из образованных [греков] (οἱ μέγιστοι τῶν ἐν παιδείᾳ δοξασθέντων) считали для себя за честь посетить Египет, дабы приобщиться к законам и обычаям, которые полагали весьма достойными. И хотя страна эта по вышеизложенным причинам была труднодоступной для иностранцев, тем не менее туда поспешили прибыть Орфей и Гомер (из числа живших в глубокой древности), а также Пифагор Самосец и законодатель Солон (жившие гораздо позже). Сами египтяне утверждают, будто именно они изобрели письменность и [искусство] наблюдения за звездами, а кроме того основы геометрии и многие из ремесел (τά τε κατὰ τὴν γεωμετρίαν θεωρήματα καὶ τῶν τεχνῶν τὰς πλείστας εὐρεθῆναι); что касается законов, то именно у них установлены самые лучшие. Наилучшим же доказательством этому, говорят они, служит то, что Египтом в течение 4700 лет правили по преимуществу местные [цари] и что земля здесь – самая богатая во всей ойкумене; ведь этого не было бы никогда, если бы люди [Египта] не пользовались бы самыми лучшими обычаями, законами и культурой (μὴ οὐ τῶν ἀνθρώπων χρωμένων κρατίστοις ἔθεσι καὶ νόμοις καὶ τοῖς κατὰ πᾶσαν παιδείαν ἐπιτηδεύμασιν).

Итак, мы оставим все то, что наговорили Геродот и иные, писавшие о делах египетских, решив по своему почину предпочесть истине побасенки (ἐκουσίως προκρίναντες τῆς ἀληθείας τὸ παραδοξολογεῖν) и ради развлечения придумывать мифы, и [вместо этого] изложим, после внимательного и кропотливого изучения, то, что засвидетельствованно в священных записях жрецов.

70

Во-первых, их (т.е. египтян) цари вели жизнь, совсем непохожую на жизнь прочих царствующих особ, вершащих дела по своему личному почину и произволению (τοῖς ἄλλοις τοῖς ἐν μοναρχικαῖς ἐξουσίαις οὔσι καὶ πάντα πράττουσι κατὰ τὴν ἑαυτῶν προαίρεσιν ἀνυπευθύνως); каждый закон для них был установлен предписаниями, касающимися не только приемов и официальных встреч, но и обыденного распорядка дня и приема пищи (ἦν ἅπαντα τεταγμένα νόμων ἐπιταγαῖς, οὐ μόνον τὰ περὶ τοὺς χρηματισμούς, ἀλλὰ καὶ τὰ περὶ τὴν καθ' ἡμέραν διαγωγὴν καὶ δίαιταν).

В том, что касается прислуги, то ни один не был ни наемным слугою, ни домашним рабом, но это были сыновья самых выдающихся жрецов, все – в возрасте старше 20 лет, самые образованные из своих соотечественников, дабы царь, имея при себе тех, кто заботится о его теле и денно и ночью находится при нем, не занимался бы ничтожными мелочами (μηδὲν ἐπιτηδεύη φαῦλον); ибо ни один владыка не погрязнем сильно в злодействе, если при нем всегда будут те, кто готов исполнять его желания (οὐδεὶς γὰρ ἐπὶ πλεον κακίας προβαίνει δυνάστης, ἐὰν μὴ τοὺς ὑπηρετήσοντας ἔχη ταῖς ἐπιθυμίαις).

Были установлены определенные часы дня и ночи, в которые царь в любом случае должен был совершать – и не то, что ему захочется, но то, что предписано (ἐκ παντὸς τρόπου καθῆκον ἦν τὸν βασιλέα πράττειν τὸ συντεταγμένον, οὐ τὸ δεδογμένον ἑαυτῶ).

Рано утром, едва он только пробуждался, царь должен был брать присылаемую отовсюду почту, дабы мочь таким образом все рассудить и осуществить, точно зная все происходящее в царстве; после, омывшись и облачив тело в красивые одежды с соответствующим регалиями (τοῖς τῆς ἀρχῆς συσσήμοις μετ' ἐσθήτος λαμπρᾶς κοσμήσαντα τὸ σῶμα), он должен был совершить жертвоприношение богам. Когда к алтарю приводили жертвенных животных, был обычай, чтобы главный жрец, стоя рядом с царем, громко молился в присутствии всего египетского народа о даровании здоровья и прочих благ царю, соблюдающему для своих подчиненных справедливость и закон. Также необходимо было подробно перечислить все его добродетели, говоря, что он ведет себя по отношению к богам благочестиво, а к людям – милосердно; что он сдержанный, справедливый и великодушный, честный, податель всяких благ и всецело владеет своими страстями (καθόλου πάσης ἐπιθυμίας κρείττων); что на виновных налагает наказание меньшее, чем следовало бы (καὶ τὰς μὲν τιμωρίας ἐλάττους τῆς ἀξίας ἐπιτιθεῖς τοῖς ἀμαρτήμασι), а благодетельствуемых им одаривает сверх всякой меры. Сказав все подобное этому, возносящий молитву [жрец] наконец молится о [прощении] совершенных [царем] по неведению ошибок (ὑπὲρ τῶν ἀγνοουμένων ἁρῶν ἐποιεῖτο),

очищая царя от обвинений и призывая соответствующее наказание и проклятие на тех, кто способствовал и наущал его злу (εἰς δὲ τοὺς ὑπηρετοῦντας καὶ διδάξαντας τὰ φαῦλα καὶ τὴν βλάβην καὶ τὴν τιμωρίαν ἀξιῶν ἀποσκῆψαι). Делает он это с одной стороны для того, чтобы побудить царя к богобоязненности и угодному богам образу жизни, а с другой – чтобы приучить его так жить не чрез грозные увещевания, но посредством похвал, и приятных и наиболее соответствующих добродетели.

Итак, после, когда царь произведет гадание на внутренностях жертвенного тельца и найдет добрые предзнаменования (τοῦ βασιλέως ἱεροσκοπησαμένου μόσχῳ καὶ καλλιερῆσαντος), жрец-чтец зачитывает из священных книг подходящие советы и деяния самых выдающихся мужей, чтобы имеющий власть над всеми (т.е. царь), только рассмотрев в уме лучшие решения, обращался к установленному решению частных вопросов (ὅπως ὁ τῶν ὄλων τὴν ἡγεμονίαν ἔχων τὰς καλλίστας προαιρέσεις τῇ διανοίᾳ θεωρήσας οὕτω πρὸς τὴν τεταγμένην τῶν κατὰ μέρος τρέπηται διοίκησιν).

И не только было установлено определенное время, чтобы осуществлять приемы или производить суд, но также и чтобы прогуливаться, омываться, спать с женой, да и вообще вся жизнь царя была расписана (καὶ καθόλου τῶν κατὰ τὸν βίον πραττομένων πάντων). Также у них (египтян) был обычай питаться негрубою пищей, телятиной и гусятиной, вино же пили в ограниченном количестве, дабы не вызвать ненужного пресыщения или опьянения (οἴνου δὲ τακτόν τι μέτρον πίνοντας μὴ δυνάμενον πλησμόνην ἄκαιρον ἢ μέθην περιποιῆσαι). Да и вообще, в том, что касается питания, казалось будто бы не законодатель установил [эти законы], но лучший из врачей, заботящийся о здоровье (καθόλου δὲ τὰ περὶ τὴν δίαιταν οὕτως ὑπῆρχε συμμέτρως διατεταγμένα ὥστε δοκεῖν μὴ νομοθέτην, ἀλλὰ τὸν ἄριστον τῶν ἰατρῶν συντεταχέναι τῆς ὑγείας στοχαζόμενον.).

71

И хотя странным кажется, что царь не имел полной власти над своим ежедневным распорядком жизни, гораздо более удивительно было то, что царям нельзя было ни судить, ни принимать решений наобум (πολλῶ θαυμασιώτερον ἦν τὸ μήτε δικάζειν μήτε χρηματίζειν τὸ τυχὸν αὐτοῖς ἐξεῖναι), ни тем более наказывать кого бы то ни было из самодурства ли, гнева или по какой-либо иной несправедливой причине (δί' ὕβριν ἢ διὰ θυμὸν ἢ τινα ἄλλην αἰτίαν ἄδικον); но [они должны были поступать так] как предписывали установленные для каждого случая законы. И поступая так по обычаю, они вовсе не впадали в гнев или расстраивались, - напротив, они почитали, что живут самой блаженнейшей жизнью; более того, прочих людей они считали неразумно поддающимися присутствующим [человеческой] природе страстям и [оттого] совершающими много такого, что приносит вред или подвергает [людей] опасности. А другие, [полагали они], зная, что те могут допустить ошибку, сами совершали не меньшее зло, будучи охвачены любовью, ненавистью или какой-либо иной страстью. О себе же [цари мнили,] что, стремясь подражать образу жизни, избираемому мудрейшими из людей, они впадают в меньшие ошибки.

И поскольку цари так справедливо относились к своим подданным, то в народе благорасположение к правителям превышало [даже] любовь к родным (τὰ πλήθη ταῖς εἰς τοὺς ἡγουμένους εὐνοίαις πᾶσαν συγγενικὴν φιλοστοργίαν

ὑπερεβάλλετο): не только жречество, но и вообще все египтяне не так заботились о своих женах, детях и имуществе, как о безопасности царя. Потому-то бóльшую часть периода правления вышеперечисленных царей они сохраняли государственный порядок и жили счастливейшей жизнью, покуда сохранялся упомянутый свод законов; кроме того, они покорили многие народы и скопили огромные богатства, украсив страну непревзойденными постройками и зданиями, а города – роскошнейшими и разнообразнейшими дарами.

72

И то, как вели себя египтяне после смерти царя, являло собою серьезное доказательство благорасположения народа к своим правителям: ибо почести, оказываемые тому, кто не способен оценить их (т.е. покойнику - εἰς ἀνεπαίσθητον γὰρ χάριν ἢ τιμὴ τιθεμένη), доказывали [их] искренность (μαρτυρίαν ἀνόθευτον περιείχε τῆς ἀληθείας).

Когда какой-либо из царей уходил из жизни, по всему Египту все жители поднимали плач, разрывали на себе одежды, закрывали святилища, воздерживались от жертвоприношений и не проводили празднества в течение 72 дней: помазавши головы глиною и подпоясавшись под грудью тонкими одеждами, как мужчины, так и женщины ходили кругами, собравшись в группы по двести или триста человек, и, исполняя ритмичную погребальную песнь, дважды в день почитали похвалами [усопшего], перечисляя его добродетели, при этом они не принимали ни животной пищи, ни приготовленной на огне, а также воздерживались от вина и прочей роскоши. Никто не пользовался ни банями, ни притираниями, ни кроватями, ни тем более не дерзал предаваться любовным утехам; но, словно бы умерло его любимое чадо, каждый в печали предавался скорби означенное количество дней.

Совершив за это время роскошные погребальные приготовления и поставив в последний день перед входом в усыпальницу гроб с телом усопшего, они согласно закону производили суд над тем, что совершил покойный при жизни (προετίθεσαν κατὰ νόμον τῷ τετελευτηκότι κριτήριον τῶν ἐν τῷ βίῳ πραχθέντων). Итак, после того, как предоставлялась возможность любому желающему выступить обвинителем (δοθείσης δ' ἐξουσίας τῷ βουλομένῳ κατηγορεῖν), жрецы произносили похвальные речи, перечисляя каждое из добрых деяний покойного, а собравшиеся у выхода послушать тысячи людей выражали одобрение в том случае, если он прожил добрую жизнь; если же нет, то напротив поднимали шум. И немало царей из-за сопротивления народа были лишены достойного и законного погребения; потому-то и получалось, что получившие власть поступали справедливо и честно не только из-за упоминавшихся выше причин, но также и из-за страха того, что после смерти их тела подвергнуться надругательству и хуле навеки (διὰ τὸν φόβον τῆς μετὰ τὴν τελευτὴν ἐσομένης ὕβρεώς τε τοῦ σώματος καὶ βλασφημίας εἰς ἅπαντα τὸν αἰῶνα).

Это – самые важные из обычаев древних царей (τῶν μὲν οὖν περὶ τοὺς ἀρχαίους βασιλεῖς νομίμων τὰ μέγιστα ταῦτ' ἔστιν).

Так как Египет весь разделен на многие части, каждая из которых на греческом языке называется «ном», то над каждой поставлен номарх, имеющий обо всем заботу и попечение.

И в силу того, что вся земля поделена на три части, то первой частью владеет сословие жрецов (τὸ σύστημα τῶν ἱερέων), удостоивающееся со стороны местных жителей величайшего уважения из-за их служения богам (τὴν εἰς τοὺς θεοὺς ἐπιμέλειαν) и из-за того, что эти мужи получили по образованию гораздо больше знания [чем прочие люди]. На получаемую отсюда прибыль они (sc. жрецы) совершают жертвоприношения по всему Египту, содержат прислужников и обеспечивают свои нужды; ибо они считают, что нельзя изменять [порядок] почитания богов, но оно всегда должно совершаться одни и тем же способом и одними и теми же людьми (οὐτε γὰρ τὰς τῶν θεῶν τιμὰς ᾤοντο δεῖν ἀλλάττειν, ἀλλ' ὑπὸ τε τῶν αὐτῶν ἀεὶ καὶ παραπλησίως συντελεῖσθαι), а также [считают, что] не должны советчики всего [народа] терпеть нужду в жизненно необходимых вещах (οὐτε τοὺς πάντων προβουλευομένους ἐνδεεῖς εἶναι τῶν ἀναγκαίων). Вообще же, будучи вопрошаемы о значительных вещах, они часто общаются с царем, то как сотрудники, то как податели [идей] и наставники, которые с одной стороны предсказывают грядущие события благодаря астрологии и иероскопии (гаданию по внутренностям жертвенных животных), а с другой вычитывают из записанных в священных сочинениях дела, могущие принести пользу. И не один муж или одна жена, как у эллинов, получает чин жреца, но многие занимаются отправлением жертвоприношений и поклонением богам и потомкам своим передают подобный выбор жизни (т.е. профессию καὶ τοῖς ἐκγόνοις τὴν ὁμοίαν τοῦ βίου προαίρεσιν παραδιδόασιν). Они освобождены от всех налогов и занимают после царя второе место по власти и значению [их] мнения (εἰσὶ δὲ οὗτοι πάντων τε ἀτελεῖς καὶ δευτερεύοντες μετὰ τὸν βασιλέα ταῖς τε δόξαις καὶ ταῖς ἐξουσίαις).

Вторую часть взяли цари для получения прибыли, которую они употребляют и для проведения войн, и для поддержания своего великолепия, и для достойных наград тем, кто отличился мужеством и благородством; благодаря этой прибыли цари не перегружают простых людей налогами (τὴν δὲ δευτέραν μοῖραν οἱ βασιλεῖς παρελήφασιν εἰς προσόδους, ἀφ' ὧν εἰς τε τοὺς πολέμους χορηγοῦσι καὶ τὴν περὶ αὐτοὺς λαμπρότητα διαφυλάττουσι, καὶ τοὺς μὲν ἀνδραγαθήσαντας δωρεαῖς κατὰ τὴν ἀξίαν τιμῶσι, τοὺς δ' ἰδιώτας διὰ τὴν ἐκ τούτων εὐπορίαν οὐ βαπτίζουσι ταῖς εἰσφοραῖς).

Последней частью владеют т.н. воины, призванные нести воинскую службу; [эта часть земли им дана для того,] чтобы они, подвергаясь опасности, были более преданы своей стране в силу того, что у них есть свой надел земли, и [тем самым бы] спокойно переносили военные невзгоды (ἴν' οἱ κινδυνεύοντες εὐνοῦσται τῇ χώρᾳ διὰ τὴν κληρουχίαν ὄντες προθύμως ἐπιδέχωνται τὰ συμβαίνοντα κατὰ τοὺς πολέμους δεινά). Ведь в самом деле, нелепо было бы поручать безопасность всех тем людям, если у них нет ничего достойного того, чтобы за это сражаться; но самое главное – они, благоденствуя, легко порождают детей и тем самым увеличивают население, так что нет нужды в наемном иностранном войске. Точно так же [как и

жрецы], унаследовав от предков свой чин [т.е. чин воинов], они побуждаются к мужеству смелостью и отвагой отцов; и усердствуя с детства в военной науке, они делаются непобедимыми как своим искусством, так и своей смелостью (ὁμοίως δ' οὗτοι τὴν τάξιν ταύτην ἐκ προγόνων διαδεχόμενοι ταῖς μὲν τῶν πατέρων ἀνδραγαθίαις προτρέπονται πρὸς τὴν ἀνδρείαν, ἐκ παίδων δὲ ζηλωταὶ γινόμενοι τῶν πολεμικῶν ἔργων ἀνίκητοι ταῖς τόλμαις καὶ ταῖς ἐμπειρίαις ἀποβαίνουσιν).

74

Также в государстве имеется еще три других класса (ἕτερα συντάγματα τῆς πολιτείας τρία): пастухов, земледельцев и ремесленников.

Земледельцы, арендуя за небольшую плату (μικροῦ τινοῦ) плодородную землю у царя, жрецов и воинов, проводят всю жизнь в обработке земли; с детства воспитываемые в земледельческой науке (ἐκ νηπίου δὲ συντρέφόμενοι ταῖς γεωργικαῖς ἐπιμελείαις), они весьма превосходят своим искусством земледельцев прочих народов: они лучше других сведущи и в природе земли, и в разливах вод, и во времени сева, жатвы и прочих временах уборки плодов – с одной стороны обученные этому через наблюдение за родителями, с другой – научившиеся посредством собственного опыта.

То же самое касается и пастухов, которые как бы по наследству от отцов унаследовав искусство животноводства, все время жизни проводят в качестве скотоводов. Много в отношении наилучшего питания и обращения со скотом они переняли от родителей, однако и сами проявили немалое рвение в этой области: самое удивительно, что в силу этого своего особого рвения в таких вещах разводчики кур и гусей (οἱ τε ὀρνιθοτρόφοι καὶ οἱ χηνοβοσκοὶ) – помимо обычного от природы количества этих животных которые имеются у прочих людей – благодаря своему особому искусству разводят несметное множество птиц: дело в том, что они выводят яйца не с помощью птиц, но удивительным образом делают это сами – с помощью своих знаний и умений – и ничуть не уступают природе (οὐ γὰρ ἐπωάζουσι διὰ τῶν ὀρνίθων, ἀλλ' αὐτοὶ παραδόξως χειροουργοῦντες τῇ συνέσει καὶ φιλοτεχνίᾳ τῆς φυσικῆς ἐνεργείας οὐκ ἀπολείπονται).

Можно, тем не менее, отметить (ἀλλὰ μὴν καὶ ... ἰδεῖν ἔστι), что египтяне усердно занимаются ремеслами и развивают их для конкретных целей (πρὸς τὸ καθῆκον τέλος διηκριβωμένας); ведь только у египтян всем ремесленникам запрещено заниматься другим ремеслом или принимать участие в государственной организации (οἱ δημιουργοὶ πάντες οὐτ' ἐργασίας ἄλλης οὔτε πολιτικῆς τάξεως μεταλαμβάνειν ἐῶνται) кроме того, что определено по закону и унаследовано от родителей, дабы ни зависть к учителю, ни государственные хлопоты не препятствовали их усердию в [занятиях] этим [их ремеслом]. Как можно видеть, у других народов ремесленники отвлекаются на многие вещи и из-за корысти не занимаются только своим делом: одни берутся за земледелие, другие участвуют в торговле, третьи хватаются за два или три ремесла, а многие, – особенно в городах, управляемых по демократическому принципу, – сходясь на народных собраниях, разрушают государство (τὴν μὲν πολιτείαν λυμαίνονται), при этом получая прибыль от нанимателей; у египтян же, если кто-то из ремесленников пытается участвовать в

государственных делах (εἴ τις τῶν τεχνιτῶν μετάσχοι τῆς πολιτείας) или заниматься числом ремесел больше положенных (ἢ τέχνας πλείους ἐργάζοιτο), то он подлежит серьезным наказаниям.

Вот таковое-то разделение в государстве [по классам] и такую-то приверженность к [занятием] своего собственного класса унаследовали те, кто издавеле населял Египет (Τὴν μὲν οὖν διαίρεσιν τῆς πολιτείας καὶ τὴν τῆς ἰδίας τάξεως ἐπιμέλειαν διὰ προγόνων τοιαύτην ἔσχον οἱ τὸ παλαιὸν τὴν Αἴγυπτον κατοικοῦντες).

75

В отношении судопроизводства они (египтяне) не прилагают особого усердия, полагая, что решение суда в том, что касается общественной жизни, может склоняться как в одну, так и в другую сторону (ἡγούμενοι τὰς ἐν τοῖς δικαστηρίοις ἀποφάσεις μεγίστην ῥοπὴν τῷ κοινῷ βίῳ φέρειν πρὸς ἀμφότερα). Ведь совершенно ясно, что если преступивших закон наказывать, а потерпевшим оказывать помощь, то это будет наилучшее исправление преступлений (τῶν μὲν παρανομούντων κολαζομένων, τῶν δ' ἀδικουμένων βοηθείας τυγχανόντων, ἀρίστη διόρθωσις ἔσται τῶν ἀμαρτημάτων); однако, если страх, внушаемый судами преступникам, будет уничтожен или подарками [судьям], или благосклонным отношением [к преступникам], то это египтяне рассматривают как общественную пагубу (εἰ δ' ὁ φόβος ὁ γινόμενος ἐκ τῶν κρίσεων τοῖς παρανομοῦσιν ἀνατρέποιτο χρήμασιν ἢ χάρισιν, ἔσομένην ἑώραν τοῦ κοινῶ βίου σύγχυσιν). Поэтому, назначая общими судьями самых лучших мужей из самых знаменитых городов, они не ошибались в своем решении (οὐκ ἀπετύχανον τῆς προαιρέσεως). Они выбирали по десять судей из каждого города – Гелиополя, Фив и Мемфиса, и, очевидно, собрание это ничуть не уступало ни афинскому Ареопагу, ни спартанской герусии (τοῦτο τὸ συνέδριον οὐκ ἐδόκει λείπεσθαι τῶν Ἀθήνησιν Ἀρεοπαγιτῶν ἢ τῶν παρὰ Λακεδαιμονίοις γερόντων).

После того как тридцать судей собирались, они выбирали из своего числа одно наилучшего и назначали его главным судьей, а на его место [в рядах тридцати судей] город присылал другого. Снабжение судей всем необходимым для существования обеспечивал царь, в большем количестве [обеспечивался] главный судья.

Он носил на шее золотую цепь с изображением, выполненным из драгоценных камней, называвшимся «Истина». Судебные прения начинались после того, как главный судья ставил [на запись с решением суда] изображение Истины (τῶν δ' ἀμφισβητήσεων ἤρχοντο ἐπειδὴ τὴν τῆς ἀληθείας εἰκόνα ὁ ἀρχιδικαστὴς πρόσθοιτο).

Поскольку все законы были записаны в восьми книгах, и они лежали перед судьями, то был обычай, чтобы обвинитель записал по-отдельности то, в чем он обвиняет, как произошло [преступление], степень преступления или [нанесенного] вреда (ἔθος ἦν τὸν μὲν κατήγορον γράψαι καθ' ἐν ὧν ἐνεκάλει καὶ πῶς γέγονε καὶ τὴν ἀξίαν τοῦ ἀδικήματος ἢ τῆς βλάβης), а защитник, взяв обвинения, предъявляемые обвинителем, написать напротив каждого возражение, что [обвиняемый] не делал [ничего, в чем его обвиняют], или сделал, но не совершил

преступления, или совершил преступление, но заслуживает меньшего наказания (ὄν ἀπολογούμενον δὲ λαβόντα τὸ χρηματισθὲν ὑπὸ τῶν ἀντιδίκων ἀντιγράψαι πρὸς ἕκαστον ὡς οὐκ ἔπραξεν ἢ πράξας οὐκ ἠδίκησεν ἢ ἀδικήσας ἐλάττονος ζημίας ἄξιός ἐστι τυχεῖν). Затем обычно письменно возражал обвинитель, а потом – снова защитник (ἔπειτα νόμιμον ἦν τὸν κατήγορον ἀντιγράψαι καὶ πάλιν τὸν ἀπολογούμενον ἀντιθεῖναι).

После того, как возражения обеих сторон дважды передавались судьям, тридцать судей обязаны были высказать друг другу свое мнение [по этому вопросу], а главный судья был обязан поставить фигурку Истины на одно из решений (ἀμφοτέρων δὲ τῶν ἀντιδίκων τὰ γεγραμμένα δις τοῖς δικασταῖς δόντων, τὸ τηνικαυτ' ἔδει τοὺς μὲν τριάκοντα τὰς γνώμας ἐν ἀλλήλοις ἀποφαίνεσθαι, τὸν ἀρχιδικαστὴν δὲ τὸ ζώδιον τῆς ἀληθείας προστίθεσθαι τῇ ἐτέρᾳ τῶν ἀμφισβητήσεων).

76

Египтяне осуществляют так все суды, полагая, что на словах (устно) защитники способны ввести судей в заблуждение, поскольку и искусство красноречия, и чары лицемерия, и слезы обвиняемых могут заставить многих пренебречь строгостью закона и точностью истины; считается, что судьи, выслушивая [защитительную речь], могут поддасться силе [убеждения] защитников либо в силу обмана, либо из-за улады души, либо из-за склонности к жалости; на письме же, полагают [египтяне], выносимые сторонам решения будут четкими, поскольку рассматриваются неприкрытые факты (τούτῳ δὲ τῷ τρόπῳ τὰς κρίσεις πάσας συντελεῖν τοὺς Αἰγυπτίους, νομίζοντας ἐκ μὲν τοῦ λέγειν τοὺς συνηγόρους πολλὰ τοῖς δικαίοις ἐπισκοπήσειν· καὶ γὰρ τὰς τέχνας τῶν ῥητόρων καὶ τὴν τῆς ὑποκρίσεως γοητείαν καὶ τὰ τῶν κινδυνευόντων δάκρυα πολλοὺς προτρέπεσθαι παρορᾶν τὸ τῶν νόμων ἀπότομον καὶ τὴν τῆς ἀληθείας ἀκρίβειαν· θεωρεῖσθαι γοῦν τοὺς ἐπαινουμένους ἐν τῷ κρίνειν πολλάκις ἢ δι' ἀπάτην ἢ διὰ ψυχαγωγίαν ἢ διὰ τὸ πρὸς τὸν ἔλεον πάθος συνεκφερομένους τῇ δυνάμει τῶν συνηγορούντων· ἐκ δὲ τοῦ γράφειν τὰ δίκαια τοὺς ἀντιδίκους ᾤοντο τὰς κρίσεις ἀκριβεῖς ἔσεσθαι, γυμνῶν τῶν πραγμάτων θεωρουμένων).

Дело в том, что таким образом несомненно ни одаренные [ораторы] не будут иметь преимущества над более глупыми, ни опытные – над неопытными, ни лживые и напористые – над правдолюбивыми и сдержанными по характеру, [но] всем предоставлены равные права (πάντας δ' ἐπ' ἴσης τεύξεσθαι τῶν δικαίων), и по закону немало времени занимает как изучение противниками возражений друг друга, так и внесение судьями решения в отношении обеих сторон (ἰκανὸν χρόνον ἐκ τῶν νόμων λαμβανόντων τῶν μὲν ἀντιδίκων ἐξετάσαι τὰ παρ' ἀλλήλων, τῶν δὲ δικαστῶν συγκρῖναι τὰ παρ' ἀμφοτέρων).

77

Коль скоро мы упомянули о законодательстве, то считаем нелишним для дальнейшего повествования дать разъяснения о тех законах, которые у египтян отличаются своей древностью, или имеют отличный [от наших] порядок, или могут вообще оказаться полезными для читателя.

Во-первых, законным наказанием для клятвопреступников у них считалась смерть, поскольку те совершали сразу два величайших преступления – оскорбляли богов и подрывали величайшее доверие людей.

Далее, если кто-то, увидев в пути человека убиваемого или вообще претерпевающего какое-либо насилие, не оказал ему помощи, имея возможность, то он подлежал смерти; если же он на самом деле не в состоянии был помочь из-за слабости, то он должен был указать на разбойников и свидетельствовать против преступления (μηνῦσαί γε πάντως ὄφειλε τοὺς ληστὰς καὶ ἐπεξιέναι τὴν παρανομίαν). Тот, кто не поступал так, по закону подлежал определенному удару плетью и лишению всяческой пищи на три дня.

Обычно обвиняющие кого-либо должны были получить такое же наказание, как и клеветники, буде доказана их вина (εἴπερ ἔτυχον καταδικασθέντες).

Всем египтянам надлежало описывать правителю способы каждого добывать себе пропитание (ἀπὸ τίνων ἕκαστος πορίζεται τὸν βίον), и тот, кто солгал или чьи доходы были несправедливыми, подлежал смерти (καὶ τὸν ἐν τούτοις ψευδάμενον ἢ πόρον ἄδικον ἐπιτελοῦντα θανάτῳ περιπίπτειν ἢ ἀναγκαῖον). Говорят, что Солон, побывав в Египте, перенес этот закон в Афины.

Если кто-либо по своей умышленно (ἐκούσιως) убивал свободного человека или раба, то законы предписывали ему смерть, т.к. с одной стороны [египетские законодатели] желали удержать всех [людей] от совершения злых дел не в силу случайных обстоятельств, но благодаря [законному] наказанию за поступки, а с другой – через такую заботу о рабах научали людей вообще не совершать преступлений против свободных граждан (ἅμα μὲν βουλόμενοι μὴ ταῖς διαφοραῖς τῆς τύχης, ἀλλὰ ταῖς τῶν πράξεων ἐπιβολαῖς εἶργεσθαι πάντας ἀπὸ τῶν φαύλων, ἅμα δὲ διὰ τῆς τῶν δούλων φροντίδος ἐθίζοντες τοὺς ἀνθρώπους πολὺ μᾶλλον εἰς τοὺς ἐλευθέρους μηδὲν ὅλως ἐξαμαρτάνειν).

Родителям, убившем детей, законы не предусматривали смерти, а следовало, чтобы они непрерывно в течение трех дней и ночей пребывали, обнимая убитого [ребенка], в присутствии государственной стражи (ἢ ἀναγκαῖον περιελληφότας τὸν νεκρὸν ὑπομένειν φυλακῆς παρεδρευούσης δημοσίας); дело в том, что они считали несправедливым лишать жизни тех, кто дал ее детям, [но полагали, что следует] подобным наставлением, вызывающим [у родителей-убийц] скорбь и раскаяние, отвратить от подобных деяний. Для детей же, убивших своих родителей, предполагалось совсем иное наказание (τιμωρίαν ἐξηλλαγμένην ἔθηκαν): следовало, чтобы виновникам этого острым тростником отсекали куски тела длиной в палец, а [после] сжигали на колючках заживо; ибо [египтяне] полагали величайшим из совершаемых человеком преступлений насильственное лишение жизни тех, кто дал им жизнь.

Тех из осужденных на смерть женщин, что были беременны, не умерщвляли, доколе они не разродятся. Это почитали вполне законным и многие из эллинов, считая несправедливым, что ни в чем не виновный (ребенок) удостоивался одной участи с виновной (матерью) и что за совершение преступления одним человеком наказания получают двое (ἡγούμενοι παντελῶς ἄδικον εἶναι τὸ μηδὲν ἀδικῆσαν τῷ ἀδικῆσαντι τῆς αὐτῆς μετέχειν τιμωρίας, καὶ παρανομήματος ἑνὸς γενομένου παρὰ

δουῖν λαμβάνειν τὸ πρόστιμον), да еще к тому же, что одинаковое наказание получают та, что совершила преступление осознанно, и [дитя,] не имеющее никакого разума. Но главное всего, что при том, что вина возлагается исключительно на беременную, совершенно не подобает умерщвлять дитя, общее и для матери, и для отца, ибо в таком случае, пожалуй, можно считать плохими судьей, спасающих того, кто заслужил смерти, и осуждающих на смерть невинного.

Вот каковы были, очевидно, наиболее удачные из законов [египтян,] касающиеся смертной казни (τῶν μὲν οὖν φονικῶν νόμων οἱ μάλιστα δοκοῦντες ἐπιτετεῦχθαι τοιοῦτοῖ τινες ἦσαν).

78

Среди прочих законов тот, что касался войны, против тех, кто оставил строй или не выполнил приказание начальника, предусматривал не смерть, но крайнее бесчестие, и если позднее [наказанные] смывали бесчестие мужеством (εἰ δ' ὕστερον ταῖς ἀνδραγαθίαις ὑπερβάλοιντο τὰς ἀτιμίαις,), их восстанавливали в прежнем праве говорить свободно. При этом законодатель с одной стороны налагал наказание гораздо более страшное, чем смерть – бесчестие, дабы приучить всех считать позор худшей из бед человека, а с другой стороны он полагал, что умерщвленные не принесут общественной жизни никакой пользы, тогда как обесчещенные станут причиной многих добрых дел в силу [их] стремления [вернуть прежнее] право голоса.

Тем, кто выдал тайны противнику, закон предписывал усекать язык, а тем, кто подделывает деньги, веса или меры, либо печати, а также писцам, которые пишут ложные решения или удаляют что-либо из записанного, и прикладывают ложные документы (τῶν δὲ τὸ νόμισμα παρακοπτόντων ἢ μέτρα καὶ σταθμὰ παραποιοῦντων ἢ παραγλυφόντων τὰς σφραγίδας, ἔτι δὲ τῶν γραμματέων τῶν ψευδεῖς χρηματισμοὺς γραφόντων ἢ ἀφαιρούντων τι τῶν ἐγγεγραμμένων, καὶ τῶν τὰς ψευδεῖς συγγραφὰς ἐπιφερόντων), – и тем, и другим закон предписывает отсекал руки, дабы каждый был наказан в отношении той части тела, которой он совершил преступление, и до самой смерти имел бы непоправимое увечье, и дабы прочих такое наказание отвратило от совершения чего-либо подобного (ὅπως οἷς ἕκαστος μέρεσι τοῦ σώματος παρενόμησεν, εἰς ταῦτα κολαζόμενος αὐτὸς μὲν μέχρι τελευτῆς ἀνίατον ἔχη τὴν συμφορὰν, τοὺς δ' ἄλλους διὰ τῆς ἰδίας τιμωρίας νοθετῶν ἀποτρέπη τῶν ὁμοίων τι πράττειν).

Строги у них были и законы в отношении женщин.

Если кто-то изнасиловал свободную женщину, то предписывалось усесть ему срамной орган, потому что полагали, что он одним преступным деянием совершил сразу три великих преступления: оскорбление, растление и вред детям (τὴν ὕβριν καὶ τὴν φθορὰν καὶ τὴν τῶν τέκνων σύγχυσιν).

Если же кто-то впал в прелюбодеяние (εἰ δὲ τις πείσας μοιχεύσαι), то мужчине полагались тысяча ударов палкою, а женщине урезали нос, полагая, что разукрасившуюся для незаконного соития [женщину] следует лишать того, что украшает ее (ὑπολαμβάνοντες δεῖν τῆς πρὸς ἀσυγχώρητον ἀκρασίαν καλλωπιζομένης ἀφαιρεθῆναι τὰ μάλιστα κοσμοῦντα τὴν εὐπρέπειαν).

79

Они говорят, что законы, касающиеся сделок, принадлежат Бокхориду. [Эти законы] предписывали, чтобы получившие ссуду без расписки (τοὺς μὲν ἀσύγγραφα δανεισαμένους), если они не признают себя должниками, после принесения клятвы освобождались от долга (ὁμόσαντας ἀπολύεσθαι τοῦ δανείου): во-первых, для того чтобы они, высоко почитая клятвы, испытывали бы богобоязнь (ἐν μεγάλῳ τιθέμενοι τοὺς ὄρκους δεισιδαίμωνῳσι), - ибо совершенно очевидно, что к человеку, часто приносящему клятвы, начинает пропадать доверие, и чтобы не лишиться ссуды, любой будет изо всех сил стараться не доводить дело до клятвы (ἵνα τῆς εὐχρηστίας μὴ στερηθῆ, περὶ πλείστου πᾶς τις ἄξει τὸ μὴ καταντᾶν ἐπὶ τὸν ὄρκον); затем, целиком положившись на нравственную чистоту (τὴν ὅλην πίστιν ἐν τῇ καλοκάγαθίᾳ ποιήσας), законодатель решил побудить всех людей быть порядочными, чтобы им не стать оклеветанными как те, кто недостойн доверия (ἵνα μὴ πίστεως ἀνάξιοι διαβληθῶσι). Кроме того, он посчитал нелепым, чтобы те, кому доверили [ссуду] без клятвы, поклявшись в отношении тех же самых сделок, не удостоились бы доверия (πρὸς δὲ τούτοις ἄδικον ἔκρινεν εἶναι τοὺς χωρὶς ὄρκου πιστευθέντας περὶ τῶν αὐτῶν συμβολαίων ὁμόσαντας μὴ τυγχάνειν πίστεως).

Кредиторам же он воспретил умножать прибыль вдвое под процент (τοὺς δὲ μετὰ συγγραφῆς δανείσαντας ἐκώλυε διὰ τοῦ τόκου τὸ κεφάλαιον πλεόν ποιεῖν ἢ διπλάσιον).

Взыскивать с должников он постановил с их имущества, а самого человека он запретил рассматривать как объект долга (τὸ δὲ σῶμα κατ' οὐδένα τρόπον εἶασεν ὑπάρχειν ἀγώγιμον), рассудив, что имущество принадлежит тем, кто его заработал, или получил в дар от другого владельца, а люди принадлежат государству, чтобы оно могло получать с них общественную повинность и в мирное время, и во время войны (ἵνα τὰς καθηκούσας λειτουργίας ἔχωσιν αἱ πόλεις καὶ κατὰ πόλεμον καὶ κατ' εἰρήνην). Ибо, в самом деле, нелепо, чтобы воина, если ему предстоит подвергнуться опасности в битве за отчизну, приведут за долги в суд по [требованию] кредитора, и таким образом из-за корысти частных лиц опасности подвергнется общее спасение.

Очевидно, что и этот закон Солон перенес в Афины, назвав его «сисахтией» (ὄν ὠνόμασε σεισάχθειαν), избавив всех граждан от долгов, могущих рассматривать как объект долга самого человека (ἀπολύσας τοὺς πολίτας ἅπαντας τῶν ἐπὶ τοῖς σώμασι πεπιστευμένων δανείων). Некоторые не без основания порицали многих эллинских законодателей, которые запрещали брать в качестве залога оружие, плуг и другие важные [орудия труда], а тех, кто ими пользуется (т.е. людей), разрешали.

80

Был у египтяне и весьма своеобразный (ιδιώτατος) закон о ворах. Он предписывал все желающим заниматься этим «ремеслом» регистрироваться у вожака воровской шайки (ἀπογράφεσθαι πρὸς τὸν ἀρχίφωρα) и единодушно приносить все украденное имущество ему же, а пострадавшим точно так же письменно перечислить вожаку по порядку украденное, указав место, день и час, когда его похитили (τοὺς δὲ ἀπολέσαντας παραπλησίως ἀπογράφειν αὐτῷ καθ' ἕκαστον τῶν ἀπολωλότων, προστιθέντας τὸν τε τόπον καὶ τὴν ἡμέραν καὶ τὴν ὥραν

καθ' ἣν ἀπώλεσεν). Поскольку таким образом все быстро находилось, пострадавший должен был заплатить четвертую часть всей стоимости похищенного, чтобы получить обратно свое имущество. И поскольку невозможно удержать всех от воровства, законодатель изобрел способ, при котором все украденное можно спасти за небольшой выкуп.

Женились же у египтян [так:] жрецы [брали] одну [жену], а все прочие – кто сколько захочет.

Всех рожденных детей необходимо выкармливали ради большого количества населения (ἐνεκα τῆς πολυανθρωπίας), поскольку это очень способствует процветанию страны и государства, и при этом ни одного ребенка не считали внебрачным, даже если он рожден от матери-рабыни (οὐδ' ἂν ἐξ ἀργυρωνήτου μητρὸς γεννηθῆ). Да и вообще, [египтяне] полагали, что только отец ответственен за рождение, а мать [просто] дает плоду питание и вместилище, и [поэтому] плодоносные деревья они называют «мужскими», а не приносящие плодов – «женскими», в отличие от эллинов.

Кормят же детей они невероятно скудно и невзыскательно: они дают им дешевую похлебку, приготовленную на скорую руку (ἐψήματα γὰρ αὐτοῖς χορηγοῦσιν ἔκ τινος εὐτελείας ἐτοίμης γινόμενα), стебли папируса, которые можно поджаривать на огне (τῶν ἐκ τῆς βύβλου πυθμένων τοὺς δυναμένους εἰς τὸ πῦρ ἐγκρῦβεσθαι), а также корневища и стебли болотных [растений], одни – сырые, другие – вареные, третьи – обжаренные (καὶ τῶν ῥιζῶν καὶ τῶν καυλῶν τῶν ἐλείων τὰ μὲν ὠμά, τὰ δ' ἔψοντες, τὰ δ' ὀπτῶντες).

Поскольку большинство детей растет голыми и босыми в силу мягкости климата (ἀνυποδήτων δὲ καὶ γυμνῶν τῶν πλείστων τρεφομένων διὰ τὴν εὐκρασίαν τῶν τόπων), то родители, покуда ребенок не вырастет, тратят на него не более двадцати драхм.

Вот именно по этим-то причинам и получилось так, что Египет отличается большим населением, и именно поэтому обладает он таким множеством сооружений (διὰ τοῦτο πλείστα ἔχειν μεγάλων ἔργων κατασκευάς).

81

Жрецы обучают своих детей двум видам письма: одному - т.н. «священному» (sc. иератическому), а другому – используемому в самом всеобщем обучении (sc. демотическому - τὰ κοινοτέρων ἔχοντα τὴν μάθησιν)².

[Изучению] землемерия и счета они предаются особенно рьяно. Поскольку река раз в год (κατ' ἐνιαυτὸν) разнообразно изменяет [очертания] страны, вызывая многочисленные и всевозможные разногласия из-за границ [земли] с соседями, то нелегко дать точное опровержение [чьих-либо притязаний], если только землемер не проведет опытное исследование (μὴ γεωμέτρου τὴν ἀλήθειαν ἐκ τῆς ἐμπειρίας μεθοδεύσαντος).

² Диодор почти дословно воспроизводит слова Геродота (Hist., II, 36) «διφασίοισι δὲ γράμμασι χρέωνται, καὶ τὰ μὲν αὐτῶν ἱερά, τὰ δὲ δημοτικὰ καλεῖται» - «Они пользуются двояким письмом: одно называется священным [иератическим], а другое демотическим [общенародным]»

Искусство счета помогает им при ведении хозяйства и в области землемерия (ἡ δ' ἀριθμητικὴ πρὸς τε τὰς κατὰ τὸν βίον οἰκονομίᾳς αὐτοῖς χρησιμεύει καὶ πρὸς τὰ γεωμετρίας θεωρήματα), а ко всему еще оказывается весьма полезной для тех, кто занимается астрологией.

Как и у других народов, у египтян предметом особого наблюдения были положения и движения звезд; они сохранили многочисленные описания каждого [движения и положения звезд] с незапамятных времен (ἐξ ἐτῶν ἀπίστων), поскольку с глубокой древности это было у них предметом особой заботы (ἐκ παλαιῶν χρόνων ἐζηλωμένης παρ' αὐτοῖς τῆς περὶ ταῦτα σπουδῆς); они с особым рвением наблюдали движения, орбиты и остановки блуждающих звезд (планет), а также влияния каждой на рождения животных, [и за тем,] какие из них (звезд) являются виновниками бед или благ. Часто им удавалось давать верные предсказания людям, спрашивавшим, что с ними будет; нередко они предсказывали гибель урожая или, напротив, обилие плодов, а также грядущие поральные болезни людей или скота; также они предвидели, благодаря длительному наблюдению [за светилами] (ἐκ πολλοῦ χρόνου παρατηρήσεως γεγενημένης), землетрясения и наводнения и восходы комет и вообще все то, что – как людям кажется – знать невозможно. Говорят даже, что вавилонские халдеи, бывшие соседями египтян и славившиеся знанием астрологии, учились у египетских жрецов.

Остальная же масса египтян, как мы уже сказали, с детства училась ремеслу у отцов или родственников (μανθάνει παρὰ τῶν πατέρων ἢ συγγενῶν τὰς περὶ ἕκαστον βίον ἐπιτηδεύσεις). Письму обучали не много, [да и то] не всех, но, по преимуществу, тех, кто занимается ремеслами. Борьбе и музыке учить было не принято (παλαιότερον δὲ καὶ μουσικὴν οὐ νόμιμον ἔστι παρ' αὐτοῖς μανθάνειν), потому что египтяне считали, что юноши не приобретают здоровья от ежедневных упражнений в палестре, но получают лишь временную и опасную силу, а музыку считали не только бесполезной, но даже и вредной, поскольку она [якобы] изнеживает души слушающих (ὥς {ἂν} ἐκθηλύνουσιν τὰς τῶν ἀκουόντων ψυχάς)

82

Для предотвращения болезней, тела лечили промываниями, постом и рвотными препаратами (θεραπεύουσι τὰ σώματα κλυσμοῖς καὶ νηστείαις καὶ ἐμέτοις), иногда – каждый день, а иногда – через три или четыре дня. Они говорили, что большая часть всей извергнутой пищи – это [тот] избыток, от которого возникают болезни, так что вышеупомянутое лечение, уничтожая причины болезни, способствует здоровью (ὥστε τὴν προειρημένην θεραπείαν ἀναιροῦσαν τὰς ἀρχὰς τῆς νόσου μάλιστα ἂν παρασκευάσαι τὴν υἰείαν).

Во время военного похода или путешествия за границу все лечились совершенно бесплатно (οὐδένα μισθὸν ἰδία δίδόντες): дело в том, что врачей кормили вскладчину (οἱ γὰρ ἰατροὶ τὰς μὲν τροφὰς ἐκ τοῦ κοινοῦ λαμβάνουσι), а они обеспечивали лечение по записанному закону, составленному в древности самыми известными врачами (κατὰ νόμον ἔγγραφον, ὑπὸ πολλῶν καὶ δεδοξασμένων ἰατρῶν ἀρχαίων συγγεγραμμένον).

И если, следуя предписаниям законов, записанных в священной книге, [врачи] были не в состоянии спасти страждущего, то они освобождались от обвинения; если же они поступали вопреки записанному, то подлежали смерти, поскольку законодатель считали, что лишь немногие [врачи] могли бы быть умнее традиционного и с древних времен предписываемого лучшими лекарями лечения (ἡγουμένου τοῦ νομοθέτου τῆς ἐκ πολλῶν χρόνων παρατετηρημένης θεραπείας καὶ συντεταγμένης ὑπὸ τῶν ἀρίστων τεχνιτῶν ὀλίγους ἂν γενέσθαι συνετωτέρους).

83

В том, что касается благоговейного почитания животных, то, разумеется, многим это кажется странным и достойным объяснения. Из животных некоторых египтяне почитают не только живых, но и умерших, например, кошек, ихневмонов и собак, а также соколов и [птиц] называемых у них ибисами, да еще волков, крокодилов и многих других; в причинах этого мы попытаемся разобраться, но прежде кратко расскажем об этих [животных].

Прежде всего, каждому роду животных, удостоившихся поклонения, выделяется участок земли (ἀφιέρωται χώρα), приносящий достаточный для содержания и заботы о них доход.

Египтяне благодарят богов (ποιοῦνται δὲ καὶ θεοῖς τισὶν εὐχὰς) за спасение детей от болезни следующим образом: срезав [у них] волосы и приложив [их] к золотой или серебрянной монете, отдают ее тем, кто заботиться о вышеупомянутых [священных] животных (ξυρήσαντες γὰρ τὰς τρίχας καὶ πρὸς ἀργύριον ἢ χρυσίον στήσαντες δίδουσι τὸ νόμισμα τοῖς ἐπιμελομένοις τῶν προειρημένων ζώων).

Кормя соколов мясом, они его разрезают на куски и, подожвав [птиц] громким голосом, кидают подлетающим [соколам], пока те не насытятся (μέχρι ἂν δέξωνται). Кошкам же и ихневмонам дают накрошенный в молоко хлеб, [подожвав их] пощелкиванием языка (καταθύπτοντες τοὺς ἄρτους εἰς γάλα καὶ ποππύζοντες), или кормят сырой (ὠμῶς) наловленной в Ниле рыбой, [предварительно ее] нарезав на куски; точно таким же образом кормят и прочие виды [священных] животных соответствующей пищей.

Что касается общественного почитания этих животных (ὅς δὲ γινομένης περὶ ταῦτα λειτουργίας), то [служители] не только не отвергают или стыдятся, что они станут известны простому народу, но напротив люди почитают их как совершающих величайшие почести богам, и они ходят по всем городам страны со своими знаками отличия (μετὰ σημείων ἰδίων περιέρχονται τὰς πόλεις καὶ τὴν χώραν). Еще издали [благодаря этим знаками] становится видно, о каком из животных они несут попечение, и все встречающие поклоняются и удостаивают их почестей.

Когда же кто-то из этих [священных животных] умирает, то они, завернув его в тонкую ткань и с плачем ударяя себя в грудь, несут его к бальзамировщикам (φέρουσιν εἰς τὰς ταριχείας); и после того, как те обработают [тело животного] кедровой смолой и [веществами,] могущими обеспечить благовоние и длительную сохранность, они погребают [животное] в священных ящиках.

Если же кто-то умышленно убьет одно из животных, то он подлежит смерти, за исключением убийства кошки или ибиса: в этом случае, [неважно,] убил ли он

умышленно или нечаянно, он все равно подлежит смерти, и сбежавшаяся толпа жесточайшим образом избивает виновника, иногда безо всякого суда (τῶν ὄχλων συντρέχόντων καὶ τὸν πράξαντα δεινότατα διατιθέντων, καὶ τοῦτ' ἐνίοτε πρᾶττόντων ἄνευ κρίσεω). Вот почему, из-за страха такого [наказания] увидевшие какое-то из этих животных мертвым отходят подальше и кричат, плача и свидетельствуя, что уже застигли [его] мертвым (μαρτυρούμενοι κατελιφθαι {αὐτὸ} τετελευτηκός).

И настолько в душах простых людей укоренен суеверный страх по отношению к этим животным и каждый настолько непоколебимо подвержен страстям из-за почитаниях этих [животных], что даже во времена, когда царь Птолемей еще не был назван римлянами «другом» и люди всячески старались расположить к себе пришлецов из Италии и из страха пытались не дать ни единого повода к упрекам или войне, случилось так, что некий римлянин убил кошку и к его дому сбежалась толпа, и ни посланные с просьбой о помиловании царские начальники (οἱ πεμφθέντες ὑπὸ τοῦ βασιλέως ἄρχοντες ἐπὶ τὴν παραίτησιν), ни общий страх перед римлянами не смогли отвлечь от того человека наказания, хотя он и совершил [убийство] неумышленно. И это я рассказываю не с чьих-то слов, но сам будучи очевидцем во время моего путешествия в Египет (καὶ τοῦτ' οὐκ ἐξ ἀκοῆς ἡμεῖς ἱστοροῦμεν, ἀλλ' αὐτοὶ κατὰ τὴν γεγεννημένην ἡμῖν ἐπιδημίαν κατ' Αἴγυπτον ἐορακότες).

84

И хотя сказанное многим кажется невероятным и похожим на басни, то, что будет сказано дальше, покажется еще более невероятным.

Говорят, что некогда простой народ, мучимый голодом, вынужден был пожирать друг друга (πολλοὺς ἀλλήλων μὲν ἄψασθαι διὰ τὴν ἔνδειαν), но ни один не был обвинен в том, что покусился на священных животных (τῶν δ' ἀφιερωμένων ζώων τὸ παράπαν μηδ' αἰτίαν σχεῖν μηδένα προσενηνέχθαι).

Но более того, в доме, где оказывалась мертвая собака, все обитатели обривали все тело и объявляли траур, и – что самое удивительное! – если в помещении, где рассталось с жизнью животное, лежали вино, хлеб или иная какая пища, то [обитатели] упорно отказывались употреблять их.

А если случалось оказать во время похода в чужой стране, то [египтяне,] выкупив [у владельцев] кошек и соколов, отправляли их в Египет; иногда из-за подобных предприятий у них не оказывалось денег (καὶ τοῦτο πρᾶττουσιν ἐνίοτε τῶν ἐφοδίων αὐτοῦς ὑπολιπόντων).

Подробно пересказывать все, что касается почитания пятнистого [быка] Аписа в Мемфисе и Мневия – в Гелиополе, козла – в Мендесе, крокодила – в Меридском озере, а льва – в т.н. Леонтополе, – неуместно, а тем, кто сам не видел, нелегко будет поверить рассказчику.

Животных этих кормят в священных приделах (ἐν ἱεροῖς μὲν περιβάλοις), а ухаживают за ними многочисленные достойные мужи, давая им самую отборную пищу: им постоянно подносят муку тончайшего помола или кашу, отваренные в молоке (σεμίδαλιν γὰρ ἢ χόνδρον ἔψοντες ἐν γάλακτι), всевозможные печенья, смазанные медом (πέμματα παντοδαπὰ μέλιτι φρωγόντες), то вареное, то жареное

гусиное мясо; хищным животным приносят подстреленных на охоте птиц, да и вообще весьма заботятся о том, чтобы еда была роскошной.

Их беспрестанно моют теплой водой и умащают лучшими благовонными мазями, возжигают благоуханные курения; им готовят роскошные лежа и красивые украшения; также они проявляют особую заботу о спаривании, когда для того настает время (τῶν συνουσιῶν ὅπως τυγχάνη κατὰ φύσιν φροντίδα ποιῶνται τὴν μεγίστην), и для этой цели возвращают наряду с каждым из этих животных самок той же породы, которых именуют «наложницами» и [о которых также] заботятся со всей роскошью (ἄς παλλακίδας προσαγορεύουσι καὶ θεραπεύουσι ταῖς μεγίσταις δαπάναις καὶ λειτουργίαις).

Если же какое-то животное умирает, то они оплакивают его наравне с теми, кто лишился любимого ребенка, и погребают его не на свои только средства, но расходуя гораздо больше, чем у них есть (θάπτουσι δὲ οὐ κατὰ τὴν ἑαυτῶν δύναμιν, ἀλλὰ πολὺ τὴν ἀξίαν τῆς ἑαυτῶν οὐσίας ὑπερβάλλοντες).

После смерти Александра, когда Птолемей только-только получил в наследство Египет, случилось так, что в Мемфисе умер от старости Апис. Имевший о нем попечение [служитель] полностью истратил все заранее приготовленные (и немалые) средства на похороны (τὴν τε ἠτοίμασμένην χορηγίαν, οὕσαν πάνυ πολλήν, εἰς ταφὴν ἄπασαν ἐδαπάνησε), да еще занял у Птолемея пятьдесят серебрянных талантов.

Да и в наши дни некоторые из приставленных к животным [служителей] тратили на погребение не меньше сотни талантов.

85

К сказанному следует прибавить еще о том, что связано со священным быком, именуемым Аписом.

Когда он умирает, то ему устраивают пышные похороны, а ведающие этим (sc. культом Аписа) жрецы ищут тельца, имеющего на теле такие же отметины, как и у предыдущего. Когда [таковой] находится, народ прекращает траур, а жрецы, которым положено этим заниматься, сперва отвозят его в Нилополь (εἰς Νείλου πόλιν), где содержат в течение сорока дней, а затем, погрузив в барку с покрытой золотом каютой (εἰς θαλαμηγὸν ναῦν οἴκημα κεχρυσωμένον ἔχουσαν ἐμβιβάζαντες), отправляют в Мемфис в святилище Гефеста. В упомянутые выше сорок дней этого тельца видели только женщины, стоя к нему лицом и задрав одежды, так чтобы ему были видны их детородные органы; в прочее же время им вообще было запрещено появляться перед этим богом (ἐν δὲ ταῖς προειρημέναις τετραράκονθ' ἡμέραις μόνον ὄρωσιν αὐτὸν αἱ γυναῖκες κατὰ πρόσωπον ἰστάμεναι καὶ δεικνύουσιν ἀνασυράμεναι τὰ ἑαυτῶν γεννητικὰ μόρια, τὸν δ' ἄλλον χρόνον ἅπαντα κεκλυμένον ἐστὶν εἰς ὄψιν αὐτὰς ἔρχεσθαι τούτῳ τῷ θεῷ).

Причину почитания этого быка одни видят в том, что когда Осирис умер, то именно в этого быка переместилась его душа, и посему доньше продолжает переходить в других [быков] во время избрания [нового быка, воплощающего бога] (διὰ ταῦτα διατελεῖ μέχρι τοῦ νῦν ἀεὶ κατὰ τὰς ἀναδείξεις αὐτοῦ μεθισταμένη πρὸς τοὺς μεταγενεστέρους); а другие говорят, что после того, как Осирис был умерщвлен

Тифоном, Исида, собрав его останки, поместила [их] в деревянную корову (sic! ж.р. - εἰς βοῦν ξυλίνην), окутанную тончайшим полотном (βύσσινά περιβεβλημένην), отчего и город получил название Бусирис (διὰ τοῦτο καὶ τὴν πόλιν ὀνομασθῆναι Βούσιριν).

Много другого рассказывают об Аписе, но мы полагаем, что слишком уж долго будет подробно излагать все это.

86

Итак, египтяне, совершая множество странного и невероятного в поклонении священным животным, повергают в великое недоумение тех, кто доискивается до причин этого.

У их жрецов имеется в отношении этого имеется тайное учение, о котором мы говорили выше в [главе, посвященной] египетским представлениям о богах (ὁ προειρήκαμεν ἐν τοῖς θεολογουμένοις ὑπ' αὐτῶν), а простые египтяне излагают три причины, из которых первая – совершенно мифическая и сродни древним простодушным преданиям (ὧν τὴν μὲν πρώτην μυθώδη παντελῶς καὶ τῆς ἀρχαϊκῆς ἀπλότητος οἰκείαν).

В начале, как они говорят, боги, которых было немного и их одолевали своим числом и беззаконием земнородные люди-исполины (ὀλίγους ὄντας καὶ κατισχυομένους ὑπὸ τοῦ πλήθους καὶ τῆς ἀνομίας τῶν γηγενῶν ἀνθρώπων), уподобились некоторым животным и таким образом избежали жестокости и насилия [со стороны] этих [людей-исполинов]; после же того, как они стали господствовать на всем миром (τῶν κατὰ τὸν κόσμον πάντων κρατήσαντας), в благодарность своим спасителям (τοῖς αἰτίοις τῆς ἐξ ἀρχῆς σωτηρίας χάριν ἀποδιδόντας) они освятили те виды [животных], в которых они превратились, и поручили людям живых [животных] отменно кормить, а умерших – погребать.

Второй причиной они называют то, что в древности обитатели Египта, из-за отсутствия дисциплины в военном лагере терпевшие поражения от соседей в многочисленных битвах, решили, что [каждый] отряд будет носить [особый] условный знак (σύνθημα φορεῖν ἐπὶ τῶν ταγμάτων). И вот, по их рассказам, военачальники, изготовив изображения ныне почитаемых животных, стали носить их, укрепив на копьях, и тем самым каждый мог определить, кто к какому отряду принадлежит. А поскольку установившийся порядок [в войске] привел к великой победе, то они стали считать, что причиной спасения являются животные, и люди, желая отблагодарить их, установили обычай не только не убивать изображенных тогда [на копьях животных], но почитать и оказывать заботу и почтение, о которых уже было сказано выше.

87

В качестве третьей причины они называют ту пользу, что каждое животное приносит государству и человеку (ἕκαστον αὐτῶν προσφέρεται πρὸς τὴν ὠφέλειαν τοῦ κοινοῦ βίου καὶ τῶν ἀνθρώπων).

Ведь коровы порождают трудолюбивых [быков] и [с их помощью] вспахивают землю. Овцы же рождают дважды [в год] и с одной стороны доставляют своим

руном и покрытие и украшение, а с другой приносят в пищу молоко и сыр, равно вкусные и полезные (τῶ δὲ γάλακτι καὶ τῶ τυρῶ τροφὰς παρέχεσθαι προσηνεῖς ἄμα καὶ δαψιλεῖς).

Собака полезна в охоте и охране: поэтому называемого у них Анубисом бога они изображают с собачьей головою, объясняя [это тем,] что он был охранником Осириса и Исиды. Некоторые рассказывают, что собаки, бежавшие впереди Исиды, когда она искала Осириса (τῆς Ἰσίδος προηγουμένους τοὺς κύνας καθ' ὃν καιρὸν ἐζήτει τὸν Ὅσιριν), отгоняли диких зверей и [вообще всех] встречных, а также, будучи [к ней] благорасположены, вместе с ней искали [Осириса], издавая вой (ἔτι δ' εὐνοϊκῶς διακεκμένους συζητεῖν ὠρουμένους). Поэтому-то во время проведения Исей (празднеств в честь Исиды) перед праздничным шествием бегут собаки, ибо таким образом установившие этот обычай обозначили древнюю благодарность этому животному.

Кошка ловко наносит смертельный укус змеям и прочим ядовитым пресмыкающимся, а ихневмон, выследив [уход] крокодилов-родителей, разбивает оставленные ими яйца, и делает это усердно и со рвением безо всякой пользы для себя; ибо если бы этого не случилось, то река стала бы попросту непроходимой из-за обилия новорожденных крокодилов. Этот зверь убивает крокодилов и еще одним удивительным и совершенно непостижимым способом: ихневмоны, вывалявшись в иле, запрыгивают в раскрытую пасть крокодила, когда те [вылезают] на сушу спать, и пробираются в самую середину тела; затем быстро прогрызают брюхо и безопасно выбираются наружу, а крокодилы от этого тотчас же подыхают.

Среди птиц ибис наиболее полезен против змей, саранчи и гусениц, а сокол – против скорпионов, рогатых змей и мелких ядовитых пресмыкающихся, столь опасных для человека (πρὸς τοὺς σκορπίους καὶ κεράστας καὶ τὰ μικρὰ τῶν δακέτων θηρίων τὰ μάλιστα τοὺς ἀνθρώπους ἀναιροῦντα). Некоторые говорят, что эта птица почитается потому, что у египтян гадатели предсказывали будущее, используя в качестве вещей птиц соколов. А иные рассказывают, что в древние времена сокол принес жреца в Фивы священную книгу, сшитую пурпурной нитью (βιβλίον ἐνεγκεῖν εἰς Θήβας τοῖς ἱερεῦσι φοινικῶ ῥάμματι περιελημένον), где было записано, как почитать и служить богам; по этой причине жрецы-толкователи носят на голове пурпурную нить и перо сокола.

Фиванцы почитают также и орла из-за того, что эта птица считается царской и достойной [быть вестником] Зевса (διὰ τὸ βασιλικὸν εἶναι δοκεῖν τοῦτο τὸ ζῶον καὶ τοῦ Διὸς ἄξιον).

88

Козла же они обожествили по той же причине, по которой, как говорят, почитается элинами бог Пан – из-за детородного органа. Дело в том, что это животное крайне склонно к соитию, и соответственно виновником порождения почитается этот орган тела, как первоисточник появления живых существ (τὸ δὲ μόριον τοῦ σώματος τὸ τῆς γενέσεως αἴτιον τιμᾶσθαι προσηκόντως, ὡς ἂν ὑπάρχον ἀρχέγονον τῆς τῶν ζῶων φύσεως).

Вообще же, не только египтянами, но и многими другими срамной орган обожествляется во время священнодействий (καθιερωκέναι κατὰ τὰς τελετάς), как причина появления жизни (ὡς αἴτιον τῆς τῶν ζώων γενέσεως): и египетские жрецы, воспринявшие по наследству сан жреца, первым делом принимают посвящение именно этому богу (τούτῳ τῷ θεῷ πρῶτον μυεῖσθαι).

По этой же причине, говорят, людьми почитаются паны и сатиры: и посему козлоподобные изображения их с напряженными [фаллосами] во множестве помещаются в святилищах (διὸ καὶ τὰς εἰκόνας αὐτῶν ἀνατιθέναι τοὺς πλείστους ἐν τοῖς ἱεροῖς ἐντεταμένους καὶ τῇ τοῦ τράγου φύσει παραπλησίας) – это животное [козел] очень склонно в совокуплению, [и посему] им (sc. панам и сатирам) [изображенным] в таком виде приносят благодарности за большое потомство (ἐκείνοις οὖν διὰ ταύτης τῆς ἐμφάσεως χάριν ἀποδιδόναι περὶ τῆς πολυτεκνίας τῆς ἑαυτῶν).

Священных быков – я имею в виду Аписа и Мневия – почитают наравне с богами по повелению Осириса с одной стороны из-за их пользы в земледелии, а с другой - из-за передаваемого из поколения в поколение мнения, что благодаря их трудам были открыты продукты земледелия (διὰ τὸ τῶν εὐρόντων τοὺς καρποὺς τὴν δόξαν ταῖς τούτων ἐργασίαις παραδόσιμον γεγονέναι τοῖς μεταγενεστέροις εἰς ἅπαντα τὸν αἰῶνα).

Рыжих быков было решено приносить в жертву из-за того, что такого цвета был Тифон, злоумышлявший против Осириса и наказанный Исидой за убийство мужа. Говорят, что в древности и людей, похожих по цвету волос на Тифона, по царскому приказу приносили в жертву перед гробницей Осириса: среди египтян рыжих было немного, а среди чужеземцев – немало, почему среди эллинов и укоренилось предание об убийстве чужеземцев при Бусирисе (περὶ τῆς Βουσίριδος ξενοκτονίας παρὰ τοῖς Ἑλλήσιν ἐνισχῦσαι τὸν μῦθον), хотя это не царь именовался Бусирисом, но такое название на местном наречии носила гробница Осириса (οὐ τοῦ βασιλέως ὀνομαζομένου Βουσίριδος, ἀλλὰ τοῦ Ὀσίριδος τάφου ταύτην ἔχοντος τὴν προσηγορίαν κατὰ τὴν τῶν ἐγχωρίων διάλεκτον).

Волков, как говорят, почитают за их сходство с собаками: ведь несильно разнясь по природе, они появились из-за скрещивания.

Египтяне, впрочем, упоминают и еще одну причину почитания этого животного, совсем уж сказочную: когда в древности, как гласит предание, Исида с маленьким Гором намеревалась вступить в борьбу с Тифоном, то жене и сыну помог из царства мертвых (ἐξ ᾄδου) Осирис, приняв облик волка; после того, как Тифон был убит, они (sc. Исида и Осирис), став владыками (τοὺς κρατήσαντας) повелели почитать то животное, приняв облик которого, [Осирису] удалось одержать победу (οὗ τῆς ὄψεως ἐπιφανείσης τὸ νικᾶν ἐπηκολούθησεν).

А иные рассказывают, что когда эфиопы пошли войной на Египет, многочисленные стаи волков погнало пришлецов вон из страны, по ту сторону города, называемого Элефантина: вот почему этот ном называется Ликополем, а сии звери удостоились почитания.

Нам остается сказать относительно обожествления крокодилов, которое вызывает недоумение у множества людей, почему – хотя [известно, что] эти животные поедают людей – было учреждено почитать наравне с богами этих [так жестоко поступающих [с людьми тварей] (*πῶς τῶν θηρίων τούτων σαρκοφαγούντων τοὺς ἀνθρώπους ἐνομοθετήθη τιμᾶν ἴσα θεοῖς τοὺς τὰ δεινότατα διατιθέντας*).

Рассказывают, что неприступность стране обеспечивает не только река, но и – в гораздо большей степени (*πολὺ μᾶλλον*) – [обитающие] в ней крокодилы: поэтому-то арабские и ливийские разбойники не осмеливаются переплыть Нил из-за страха перед великим множеством этих животных; этого не было бы, если бы против крокодилов вели бы войну и, поймав в сети, полностью истребили бы (*τοῦτο δ' οὐκ ἂν ποτε γενέσθαι πολεμουμένων τῶν ζώων καὶ διὰ τῶν σαγήνευόντων ἄρδην ἀναιρεθέντων*).

Впрочем, есть и другое предание, рассказывающее об этих животных. Некоторые говорят, что один из древних царей, по имени Мен, преследуемый своими же псами, убежал к так называемому Мэридовому озеру и был чудесным образом переправлен на другой берег крокодилом, взявшим его [на спину] (*ὑπὸ κροκοδείλου παραδόξως ἀναληφθέντα εἰς τὸ πέραν ἀπενεχθῆναι*). Желая отблагодарить животное за спасение, он воздвиг возле (озера) город, названный Крокодилополем (*πόλιν κτίσαι πλησίον ὀνομάσαντα Κροκοδείλων*), а местным жителям велел почитать этих животных как богов и отдал это озеро крокодилам в качестве дома (*τὴν λίμνην αὐτοῖς εἰς τροφήν ἀναθεῖναι*); здесь же он построил себе гробницу, воздвигнув четырехстороннюю пирамиду, и устроил лабиринт, вызывавший у народа изумление (*τὸν θαυμαζόμενον παρὰ πολλοῖς λαβύρινθον οἰκοδομήσαι*).

Подобное египтяне рассказывают и о других вещах, подробное описание чего заняло бы много времени (*Παραπλήσια δὲ καὶ περὶ τῶν ἄλλων λέγουσιν, ὑπὲρ ὧν τὰ καθ' ἕκαστον μακρὸν ἂν εἴη γράφειν*).

То, что они установили у себя такие обычаи (*οὕτως ἑαυτοὺς εἰθίκασι*) из-за [их] пользы для жизни, становится всем ясно из того факта, что некоторые [из египтян] не едят многие из имеющихся у них видов пищи (*πολλὰ τῶν ἐδωδίων παρ' αὐτοῖς ἐνίου μὴ προσφέρεσθαι*). Одни вовсе не вкушают чечевицы, другие – бобов, третьи – сыра или лука или какой-либо иной пищи, каковой в Египте существует немало (*πολλῶν ὑπαρχόντων κατὰ τὴν Αἴγυπτον*), показывая тем самым, что следует научиться воздерживаться от полезного и что, если все будут есть всё, никаких запасов может не остаться (*δῆλον ποιοῦντας διότι διδακτέον ἐστὶν ἑαυτοὺς τῶν χρησίμων ἀπέχεσθαι, καὶ διότι πάντων πάντα ἐσθιόντων οὐδὲν ἂν ἐξήρκεσε τῶν ἀναλισκομένων*).

Кое-кто приводит другие причины этого, рассказывая, что, поскольку при древних царях народ часто единодушно восставал против правителей (*ἐπὶ τῶν παλαιῶν βασιλέων πολλάκις ἀφίσταμένου τοῦ πλήθους καὶ συμφρονούντος κατὰ τῶν ἡγουμένων*), один из царей, отличавшийся особым умом, разделил страну на множество частей и в каждой из них повелел местным жителям почитать какое-либо животное или не употреблять какой-либо вид пищи, дабы, почитая каждый только

свою святыню и презирая святыни других (ἐκάστων τὸ μὲν παρ' αὐτοῖς τιμώμενον σεβομένων, τῶν δὲ παρὰ τοῖς ἄλλοις ἀφιερωμένων καταφρονούντων), египетский народ не мог никогда придти в согласие друг с другом. Результат этого очевиден (καὶ τοῦτο ἐκ τῶν ἀποτελεσμάτων φανερόν εἶναι): все соседи отличаются друг от друга и чувствуют себя задетыми, если нарушены их обычаи (букв. оскорбляются из-за нарушения вышеуказанных [обычаев] – προσκόπτοντας ταῖς εἰς τὰ προειρημένα παρανομίαις).

90

Кое-кто приводит еще и следующую причину обожествления животных: люди, едва выйдя из звериного образа жизни (συναγομένων γὰρ ἐν ἀρχῇ τῶν ἀνθρώπων ἐκ τοῦ θηριώδους βίου), поначалу пожирали друг друга и вели друг с другом войну, и сильнейший всегда одерживал верх над слабым; затем, те, кто не отличался силой, стали, наученные случаем, собираться вместе и сделали себе отличительными знаками обожествленных позднее животных. Когда вечно находившиеся в страхе [люди] сбегались к этому знаку, нападающим уже нелегко было презирать [эту] группу (πρὸς δὲ τοῦτο τὸ σημεῖον τῶν ἀεὶ δεδιότων συντρεχόντων, οὐκ εὐκαταφρόνητον τοῖς ἐπιτιθεμένοις γίνεσθαι τὸ σύστημα). И поскольку другие поступали точно так же, то народ (τὰ πλήθη) разделился на группы (κατὰ συστήματα), а животное, ставшее для каждой группы причиной безопасности, удостоилось божественных почестей (τιμῶν τυχεῖν ἰσοθέων), как величайший благодетель; поэтому-то вплоть до наших дней народы Египта почитают различных животных, ставших у них священными еще в глубокой древности (διεστηκότα τιμᾶν τὰ παρ' ἑαυτοῖς ἐξ ἀρχῆς τῶν ζώων καθιερωθέντα).

Вообще, говорят, что египтяне больше других народов с благодарностью относятся к какому-либо [оказанному им] благоденствию, считая величайшей для жизни пользой (νομίζοντας μεγίστην ἐπικουρίαν) воздать благодарностью [своим] благодетелям: ведь ясно, что всякий будет стремиться облагодетельствовать тех, кто очевидно хранит [в душе] благодарность (δηλον γὰρ εἶναι διότι πάντες πρὸς εὐεργεσίαν ὀρμήσουσι τούτων μάλιστα παρ' οἷς ἂν ὀρῶσι κάλλιστα θησαυρισθησομένας τὰς χάριτας).

По-видимому из-за этих же причин египтяне поклонялись своим царям и в действительности почитали их как богов, считая, с одной стороны, что те не получили бы власть над всеми без попечения какого-либо божества (ἄνευ δαίμονιου τινὸς προνοίας), а с другой – полагая, что они, желая и имея возможность творить великие благоденствия, причастны божественной природе (θείας μετέχειν φύσεως).

И если о священных животных мы сказали чрезмерно много, то по крайней мере тщательно рассмотрели наиболее удивительные из египетских обычаев.

91

Не меньше подивится особенности нравов и тот, кто будет интересоваться похоронными обычаями египтян (πυθόμενος τὰ περὶ τοὺς τετελευτηκότας νόμιμα τῶν Αἰγυπτίων).

Когда кто-то у них (sc. египтян) умирает, то родственники и друзья [умершего], помазав голову илом, ходят вокруг города с плачем, покуда тело предается погребению (ἕως ἄν ταφῆς τύχη τὸ σῶμα). И они не принимают ни омовений, ни вина, ни какой-либо достойной упоминания пищи (οὐ μὴν οὔτε λουτρῶν οὔτε οἴνου οὔτε τῆς ἄλλης τροφῆς ἀξιολόγου μεταλαμβάνουσιν), и к тому же не одевают светлых одежд.

Существует три вида похорон (τῶν δὲ ταφῶν τρεῖς ὑπάρχουσι τάξεις), а именно пышные, средние и бедные. На первые, как говорят, тратят талант серебра, на вторые – двадцать мин, а на последние расход вообще крайне невелик.

Заботой о трупах ведают мастера, по наследству занимающиеся этим ремеслом: они, предоставляя близким умерших список всех по отдельности [приходящихся] на похороны расходов (γραφὴν ἐκάστου τῶν εἰς τὰς ταφὰς δαπανωμένων τοῖς οἰκείοις τῶν τελευτησάντων προσενέγκαντες), спрашивают, каким образом они хотят чтобы тело было приготовлено к погребению (ἐπερωτῶσι τίνα τρόπον βούλονται τὴν θεραπείαν γενέσθαι τοῦ σώματος). Договорившись же обо всем и взяв труп, они передают его на попечение специально занимающихся этим людей (τοῖς τεταγμένοις ἐπὶ τὴν κατειθισμένην ἐπιμέλειαν τὸ σῶμα παραδιδόασιν).

Первым так называемый «писец», после того как тело положено наземь, намечает на левом боку место разреза (ἐπὶ τὴν λαγόνα περιγράφει τὴν εὐώνυμον ὅσον δεῖ διατεμεῖν); после этого так называемый «разрезальщик» (ὁ λεγόμενος παρασχίστης) разрезает тело по правилам при помощи эфиопского камня (λίθον ἔχων Αἰθιοπικὸν καὶ διατεμών ὡς ὁ νόμος κελεύει τὴν σάρκα), затем он тотчас же убегает прочь, а присутствующие преследуют его, бросая в него камни, проклиная и словно бы сваливая на него вину [за осквернение покойного] (διωκόντων τῶν συμπαρόντων καὶ λίθοις βαλλόντων, ἔτι δὲ καταρωμένων καὶ καταπερεὶ τὸ μύσος εἰς ἐκεῖνον τρεπόντων), – дело в том, что они считают ненавистным всякого, кто применит насилие в отношении тела их родственника или причинит ему рану или вообще какой-либо вред.

Напротив, так называемые бальзамировщики удостоиваются всяческой заботы и почестей, поскольку они общаются со жрецами и беспрепятственно входят в святилища как незапятнанные [никаким грехом] (τοῖς τε ἱερεῦσι συνόντες καὶ τὰς εἰς ἱερὸν εἰσόδους ἀκωλύτως ὡς καθαροὶ ποιοῦνται). Когда они собираются для подготовки уже рассеченного тела (πρὸς δὲ τὴν θεραπείαν τοῦ παρεσχισμένου σώματος ἀθροισθέντων αὐτῶν), то один через разрез погружает руку в грудь [покойного] и извлекает все [внутренности] кроме почек и сердца, а другой очищает каждую из внутренностей, омывая пальмовым вином и благовониями.

Вообще, все тело сперва в течение более чем тридцати дней обрабатывают кедровой смолой и прочими [веществами] (πᾶν τὸ σῶμα τὸ μὲν πρῶτον κεδρία καὶ τισὶν ἄλλοις ἐπιμελείας ἀξιοῦσιν ἐφ' ἡμέρας πλείους τῶν τριάκοντα), затем – смирной, киннамоном и [другими травами,] способствующими не только длительной сохранности [тела], но и благовонию (τοῖς δυναμένοις μὴ μόνον πολυχρόνιον τήρησιν, ἀλλὰ καὶ τὴν εὐωδίαν παρέχεσθαι).

Таким образом служители[-бальзамировщики] передают родственникам покойного каждую из частей тела в настолько сохраненном состоянии, что сохраняются даже ресницы и брови, весь облик остается неизменным, а черты лица – узнаваемыми (ὥστε καὶ τὰς ἐπὶ τοῖς βλεφάροις καὶ ταῖς ὀφρύσι τρίχας διαμένειν καὶ τὴν ὅλην πρόσοψιν τοῦ σώματος ἀπαράλλακτον εἶναι καὶ τὸν τῆς μορφῆς τύπον γνωρίζεσθαι).

Поэтому многие египтяне хранят тела предков в богатых помещениях и взирают на лица тех, кто умер за много поколений до их собственного рождения, чтобы, видя величие каждого и статность их тел вкупе с особенностями внешних черт, получать неизъяснимое удовольствие, как будто бы они жили вместе с теми, кого они созерцают (ὥστε ἐκάστων τὰ τε μεγέθη καὶ τὰς περιοχὰς τῶν σωμάτων, ἔτι δὲ τοὺς τῆς ὄψεως χαρακτῆρας ὀρωμένους παρὰδοξον ψυχαγωγίαν παρέχεσθαι καθάπερ συμβεβιωκότας τοῖς θεωμένοις).

92

Когда собираются погребать тело [усопшего], его родичи предварительно сообщают день похорон судьям и [другим] родственникам, а также друзьям умершего, и подчеркивают, что [такой-то] — называя имя усопшего (τοῦνομα τοῦ μετηλλαχότος) — собрался перейти реку (διαβαίνειν μέλλει τὴν λίμνην). Затем, когда приходят судьи числом сорок три и усаживаются на полукруглую скамью, установленную на противоположном берегу реки, на воду спускается ладья (ἢ μὲν βᾶρις), заранее приготовленная теми, кто заботится о такого рода вещах, на ней стоит перевозчик, которого египтяне на своем наречии называют «харон» (χάρωνα). Поэтому они говорят, что Орфей, в древности придя в Египет и увидев этот обычай, сложил мифы об устройстве подземного царства (τὰ καθ' ἄδου), в чем-то копируя [египетские истории], в чем-то придумывая свое (об этом подробно мы напишем чуть позже). А когда ладья уже спущена на воду, но еще до того, как поместят в нее гроб с покойным (τὴν λάρνακα τὴν τὸν νεκρὸν ἔχουσαν), закон дает возможность [любому] желающему обвинить [покойного в дурной жизни]. Итак, если кто-то, придя, предъявит обвинение и докажет, что [покойный] жил дурно, то судьи обнародуют для всех эти мнения, а тело [усопшего] не допускается к погребению, принятому по обычаю; если же окажется, что вызвавшийся [обвинять покойного] сделал это нечестно, то он подвергается серьезным наказаниям. Когда же не объявилось никакого обвинителя или он оказался клеветником, родственники [усопшего], оставив печаль, превозносят покойного, и [при этом] ничего не говорят о его роде, — [в отличие от того,] как [это принято] у эллинов, — считая, что все египтяне (τοὺς κατ' Αἴγυπτον) одинаково благороднорожденны (ὁμοίως εὐγενεῖς εἶναι); перечисляют его образование и обучение в детстве, затем благочестие и праведность, когда он возмужал, а также обстоятельно описывают его воздержанность и прочие добродетели (τὴν ἐγκράτειαν καὶ τὰς ἄλλας ἀρετὰς αὐτοῦ διεξέρχονται), и просят богов подземного мира (τοὺς κάτω θεοὺς) принять его соседом благочестивых. Толпа же поет и превозносит славу усопшего как собирающегося провести вечность в подземном мире (καθ' ἄδου) вместе с праведниками. И те [родственники покойного], кто имеет личные гробницы,

помещают тело в приуготовленные гробы ἐν ταῖς ἀποδεδειγμέναις θήκαις), а те, у кого нет своих гробниц, пристраивают новое строение к своему дому, и ставят ящик с телом вертикально (ὀρθὴν ἰστᾶσι τὴν λάρνακα) к самой крепкой из стен. А тех, кому запрещены похороны или из-за обличения, или из-за долга, хоронят возле их собственного жилища: иногда, дети [их] детей, разбогатеи и покрыв их долг и сняв обвинение (τῶν τε συμβολαίων καὶ τῶν ἐγκλημάτων ἀπολύσαντες), удостоивают их роскошного погребения.

93

Наиболее же великим [делом] (σεμνότατον) у египтян считается еще больше почитать родителей или предков, уже явно перешедших в вечные обители (τὸ τοὺς γονεῖς ἢ τοὺς προγόνους φανῆναι περιττότερον τετιμηκότας εἰς τὴν αἰώνιον οἴκησιν μεταστάντας).

Есть у них также обычай отдавать тела своих умерших родителей в качестве залога под заем (διδόναι τὰ σώματα τῶν τετελευτηκότων γονέων εἰς ὑπόθηκην δανείου); тем же, кто не выкупит их, грозит величайшее порицание, а после смерти им отказывают в погребении (μετὰ τὴν τελευτὴν στέρησις ταφῆς).

И вполне справедливо можно подивиться тому, что они стремятся насадить, насколько это вообще возможно (ἐφ' ὅσον ἦν ἐνδεχόμενον), среди людей порядочность и честность нравов не только на основании общения с живыми людьми, но и посредством погребения и заботы об умерших.

Греки оставили веру в подобные вещи – уважение к благочестивым и наказание злым – на долю выдуманных сказок и искаженных преданий (οἱ μὲν γὰρ Ἕλληνες μύθοις πεπλασμένοις καὶ φήμαις διαβεβλημέναις τὴν περὶ τούτων πίστιν παρέδωκαν, τὴν τε τῶν εὐσεβῶν τιμὴν καὶ τὴν τῶν πονηρῶν τιμωρίαν); поэтому-то такие [понятия] не только не способны заставить людей обратиться к более порядочной жизни (οὐχ οἷον ἰσχύσαι δύναται ταῦτα προτρέψασθαι τοὺς ἀνθρώπους ἐπὶ τὸν ἀριστον βίον), но напротив, осмеянные негодьями, они удостоились величайшего презрения (ὑπὸ τῶν φαύλων χλευαζόμενα πολλῆς καταφρονήσεως τυγχάνουσι). У египтян же – поскольку существует отнюдь не сказочное, а вполне очевидное наказание злодеям и настоящая почеть для порядочных людей – каждый день и те и другие помнят о том, что их ожидает (καθ' ἐκάστην ἡμέραν ἀμφότεροι τῶν ἑαυτοῖς προσηκόντων ὑπομινύσκονται), и таким образом осуществляется величайшее и полезнейшее исправление нравов.

Лучшими же из законов, по моему мнению, следует считать (ἡγήτέον) не [те,] благодаря которым люди становятся весьма богатыми, но [те,] благодаря которым они делаются в большей степени кроткими нравом и более цивилизованными (ἐπιεικεστάτους τοῖς ἠθεσι καὶ πολιτικωτάτους συμβήσεται γενέσθαι τοὺς ἀνθρώπους).

94

Нам следует сказать и о тех бывших в Египте законодателях, что установили странные и необычные законы.

Говорят, что после того, как в древности жизнь в Египте сделалась спокойной (μετὰ γὰρ τὴν παλαιὰν τοῦ κατ' Αἴγυπτον βίου κατάστασιν) - по преданию это случилось во времена богов и героев - , первым убедил людей пользоваться писанными законами Мневий, муж и душою великий, и в общественной жизни принимавший гораздо больше участия, чем [все] вышеупомянутые (τῷ βίῳ κοινότητος τῶν μνημονευομένων). По его утверждению (προσποιεῖσθαι), их (sc. законы) ему передал Гермес, как то, что станет причиной добрых дел, подобно тому, как у греков по преданиям на Крите – Миносу Зевс, а у спартанцев – Ликургу Аполлон якобы передали их законы.

Да и у множества других народов, как передают, в ходу были такие выдумки (παρ' ἑτέροις δὲ πλείοσιν ἔθνεσι παραδέδοται τοῦτο τὸ γένος τῆς ἐπινοίας ὑπάρξει – т.е. что закон законодателю передает божество – прим. перев.), становившиеся для поверивших в это причиной добрых дел: рассказывают, что у ариев Затраусте (Ζαθραύστην – т.е. Заратуштре) по его словам доброе божество передало законы (τὸν ἀγαθὸν δαίμονα προσποιήσασθαι τοὺς νόμους αὐτῷ δίδόναι), у так называемых гетов Залмоксису, которого они считают бессмертным, точно так же [передала законы] всеобщая [богиня-хранительница] Гестия, а у иудеев Моисею – бог, именуемый Иао (sc. Йахве - Ἰαώ); [так они поступают] или из-за того, что полагают, будто чудесная и всецело божественная идея принесет пользу массе народа (θαυμαστὴν καὶ θεῖαν ὅλως ἔννοιαν εἶναι κρίναντας τὴν μέλλουσαν ὠφελήσκειν ἀνθρώπων πλῆθος), или из-за того, что думают, будто народ будет лучше повиноваться, с восхищением взирая на величие и силу тех, кто по преданию избрал законы (πρὸς τὴν ὑπεροχὴν καὶ δύναμιν τῶν εὐρεῖν λεγομένων τοὺς νόμους ἀποβλέψαντα τὸν ὄχλον μᾶλλον ὑπακούσεσθαι διαλαβόντας).

Вторым законодателем египтяне называют Сасихиса (Σάσιχιν), мужа, отличавшегося умом. Он к уже существующим законам добавил и другие, и с особой заботой распорядился относительно [обрядов, связанных] с почитанием богов, был к тому же изобретателем землемерия и научил местных жителей науке наблюдения за звездами (τὴν περὶ τῶν ἀστέρων θεωρίαν τε καὶ παρατήρησιν διδάξει τοὺς ἐγχωρίους).

Третий, как они говорят, царь Сесоосис не только превзошел выдающимися воинскими подвигами [прочих] египетских [царей], но и установил закон о воинском сословии (περὶ τὸ μάχιμον ἔθνος νομοθεσίαν συστήσασθαι) и привел в порядок все, что связано с войском.

Четвертым, рассказывают они, законодателем был царь Бокхорид, мудрый и отличающийся хитростью [человек] (σοφόν τινα καὶ πανουργία διαφέροντα). Он утвердил [законы] в отношении царей и уточнил [законы,] касающиеся сделок (τὰ περὶ τῶν συμβολαίων ἐξακριβῶσαι); и он был настолько мудр в [своих] судебных решениях (γενέσθαι δ' αὐτὸν καὶ περὶ τὰς κρίσεις οὕτω συνετὸν), что многие из его постановлений в силу [своего] превосходства (διὰ τὴν περιττότητα). памятливы до сих пор. Говорят, что телом он был весьма слаб, но по характеру – самым жадным из всех [царей Египта].

После него, по рассказам, к законам приступил царь Амасид, который, как они говорят, установил законы относительно номархов и вообще об управлении всем Египтом.

Передают, что он был без меры умен и кроток нравом и справедлив: за это-то египтяне и вручили ему власть, хоть он и не был царского рода. Говорят, что элейцы, усердно готовясь к олимпийским играм (σπουδάζοντας περὶ τὸν Ὀλυμπικὸν ἀγῶνα), отправили к нему послов спросить, как [сделать так, что состязание] было наиболее честным (πῶς ἂν γένοιτο δικαιοτάτος), а он якобы ответил: «[оно будет честным,] если в состязании не будет участвовать ни один элеец». А когда Поликрат, владыка самосцев, заключил с ним дружбу, [а сам] начал утеснять как своих граждан, так и приплывавших на Самос чужеземце (βιαίως προσφερομένου τοῖς τε πολίταις καὶ τοῖς εἰς Σάμον καταπλέουσι ξένοις), то [Амасид] сначала, как рассказывают, отправил посла просить Поликрата о сдержанности, а после того, как тот не внял его словам, написал письмо о прекращении дружбы и гостеприимства (ἐπιστολὴν γράψαι τὴν φιλίαν καὶ τὴν ξενίαν τὴν πρὸς αὐτὸν διαλυόμενον), потому что не хотел вскорости испытать огорчение, прекрасно зная, что несчастье обрушится на того, кто так упивается тираннической властью (ἀκριβῶς εἰδότα διότι πλησίον ἐστὶν αὐτῷ τὸ κακῶς παθεῖν οὕτω προεστηκότι τῆς τυραννίδος). И, как говорят, греки дивились и его кротости, и тому, как быстро сбылось предсказанное им Поликрату (θαυμασθῆναι δ' αὐτὸν φασὶ παρὰ τοῖς Ἑλλησι διὰ τε τὴν ἐπιείκειαν καὶ διὰ τὸ τῷ Πολυκράτει ταχέως ἀποβῆναι τὰ ῥηθέντα).

Шестым, кто обратил внимание на законы египтян, был отец Ксеркса Дарий. Дело в том, что он возненавидел то бесчестие, что было учинено в египетских храмах в правление царствовавшего до него Камбиза, и возревновал о жизни кроткой и благочестивой (ζηλῶσαι βίον ἐπιεικῆ καὶ φιλόθεον).

Он общался с самими египетскими жрецами и познакомился с учением о богах и деяниях, записанными в священных книгах; а узнав из них о великодушии древних царей и добром расположении к правителям [народа], стал подражать их образу жизни и благодаря этому добился такого почета, что еще при жизни именовался египтянами богом – единственный из всех царей, [удостоившийся подобного], а после смерти удостоился почестей, равных тем, что воздавались самым праведным властителям древнего Египта (διὰ τοῦτο τηλικαύτης τυχεῖν τιμῆς ὥσθ' ὑπὸ τῶν Αἰγυπτίων ζῶντα μὲν θεὸν προσαγορεύεσθαι μόνον τῶν ἀπάντων βασιλέων, τελευτήσαντα δὲ τιμῶν τυχεῖν ἴσων τοῖς τὸ παλαιὸν νομιμώτατα βασιλεύσασι κατ' Αἴγυπτον).

Итак, как рассказывают [египтяне], общее законодательство было создано совместными усилиями вышеупомянутых мужей (τὴν μὲν οὖν κοινὴν νομοθεσίαν συντελεσθῆναι φασὶν ὑπὸ τῶν εἰρημένων ἀνδρῶν) и получило славу, распространившуюся и среди прочих [народов]; в позднейшие же времена, по их (sc. египтян) словам, многие из представлявшихся замечательными (πολλὰ τῶν καλῶς ἔχειν δοκούντων νομίμων) законов были изменены, [особенно] когда к власти пришли македонцы и окончательно уничтожили местную царскую власть

(Μακεδόνων ἐπικρατησάντων καὶ καταλυσάντων εἰς τέλος τὴν βασιλείαν τῶν ἐγχωρίων).

96

После того, как мы все это подробно рассмотрели, следует теперь рассказать, кто из прославленных среди греков умом и искусством в древности побывал в Египте с целью приобщиться к тамошним законам и образованию.

Дело в том, что египетские жрецы на основании записанного в их священных книгах рассказывают, будто в древности к ним приезжали Орфей и Мусей, Мелампод и Дедал, а кроме того поэт Гомер и спартанец Ликург, афинянин Солон и Платон-философ, приходили также и самосец Пифагор и математик Эвдокс, абдерит Демокрит и Энопид из Хиоса. Как знак того, что все они [здесь были], жрецы называют либо изображения одних из них, либо названные их именем места или постройки (πάντων δὲ τούτων σημεῖα δεικνύουσι τῶν μὲν εἰκόνας, τῶν δὲ τόπων ἢ κατασκευασμάτων ὁμωνύμους προσηγορίας), а также приводят в доказательство ту область, в которой каждый из них подвизался, показывая [тем самым], что все, чем восхищаются греки, принесено из Египта (ἔκ τε τῆς ἐκάστῳ ζηλωθείσης παιδείας ἀποδείξεις φέρουσι, συνιστάντες ἐξ Αἰγύπτου μετενηνέχθαι πάντα δι' ὧν παρὰ τοῖς Ἑλλησιν ἐθαυμάσθησαν).

Ведь Орфей принес [из Египта] большую часть таинств и мистерии, совершаемые в честь его странствий, и предания о царстве мертвых (τῶν μυστικῶν τελετῶν τὰ πλεῖστα καὶ τὰ περὶ τὴν ἑαυτοῦ πλάνην ὀργιαζόμενα καὶ τὴν τῶν ἐν ᾄδου μυθοποιίαν ἀπενέγκασθαι). Например, таинства Осириса – это таинства Диониса, а мистерии Исиды – это мистерии Деметры, изменены только имена; а [предания о] наказании нечестивцев в царстве Аида и о лугах блаженных и [распространенные среди] народа созданные воображением представления (τὰς παρὰ τοῖς πολλοῖς εἰδωλοποιίας ἀναπεπλασμένας) он привнес [в Грецию] в подражание похоронным обрядам, имевшим место в Египте. Так, Гермес, водитель душ [в Аид], по древнему египетскому закону сопровождал тело Аписа до какого-то места и передавал его кому-то, кто носит морду Кербера. И вот, после того, как Орфей наставил этому греков, Гомер соответствие с этим [учением] так описал в поэме:

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
 Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
 Жезл золотой³

И далее ниже говорит:

Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана,
 Мимо ворот Гелиосовых, мимо пределов, где боги
 Сна обитают, провеяли тени на асфодилонский
 Луг, где воздушными стаями души усопших летают.⁴

³ Илиада 24, 1-3. Пер. В.А.Жуковского.

⁴ Там же, 11-14.

Он называет реку Океаном потому, что египтяне на своем наречии зовут океаном Нил, «ворота Гелиосовы» - это город Гелиополь, а мифическое место обитания усопших он именуется «лугом» из-за того, что вокруг болотистого места возле Мемфиса, называемого Ахеронтовым (τὴν λίμνην τόπον τὴν καλουμένην μὲν Ἀχερουσίαν), находятся красивейшие дуга, пойма, лотосы и тростник (ὄντων περὶ αὐτὴν λεϊμώνων καλλίστων, ἔλους καὶ λωτοῦ καὶ καλάμου). И то, что умершие обитают в этих местах, он говорит потому, что в Египте здесь находится великое множество гробниц – после того, как усопших переправляют через реку и Ахеронтову заводь (διαπορθμευομένων μὲν τῶν νεκρῶν διὰ τε τοῦ ποταμοῦ καὶ τῆς Ἀχερουσίας λίμνης), их погребают в расположенных здесь гробницах.

Египетским обрядам соответствуют и прочие греческие предания о царстве мертвых: лодка, перевозящая мертвых, зовется «барка» (τὸ μὲν γὰρ διακομίζον τὰ σώματα πλοῖον βάρην καλεῖσθαι), плата за перевоз (ценою в обол) дается перевозчику, называемому на местном наречии «харон». Говорят, что рядом с этими местами находится святилище темной Гекаты и запертые медными засовами врата Кокита и Леты; есть и другие ворота – Истины, а возле них безголовое изображение Справедливости.

97

Много и другого, связанного с мифами, сохраняется у египтян, не только по названию, но и на деле (διατηρουμένης ἔτι τῆς προσηγορίας καὶ τῆς ἐν τῷ πράττειν ἐνεργείας).

Например, в городе Акант, что по ту сторону Нила в Ливии, в ста двадцати стадиях от Мемфиса, имеется продырявленный сосуд-*нифос*, в который триста шестьдесят жрецов каждый день приносят воду из Нила; недалеко [от этого города] во время некоего празднества разыгрывается представление предания об Окне (τὴν δὲ περὶ τὸν Ὀκνον μυθοποιίαν δείκνυσθαι πλησίον κατὰ τινα πανήγυριν συντελουμένην), когда один человек плетет начало большого каната, а толпа, стоящая сзади, расплетает уже сплетенную [часть].

Говорят, что Мелампод принес из Египта совершаемые по мнению греков в честь Диониса таинства, предания о Кроносе, о битве с титанами и вообще все повествования о делах богов (τὴν περὶ τὰ πάθη τῶν θεῶν ἱστορίαν).

Дедал же, как сообщают, скопировал хитроумное строение сохранившегося до наших дней лабиринта (τὴν τοῦ λαβυρίνθου πλοκήν), построенного, по одним рассказам, Мендесом, а по другим – царем Марром, правившим за много лет до Миноса. Соразмерность древних египетских статуй не отличается от тех, что создал для греков Дедал. Даже самые красивые пропилеи в мемфисском [храме] Гефеста возвел Дедал, и, будучи предметом восхищения [со стороны жителей], удостоился помещенной в этот храм деревянной скульптуры, изваянной его собственными руками; кроме того, ценимый за свое изящество и как изобретатель многих [вещей] он стяжал богоподобные почести. А на одном из прилегающих к Мемфису островов имеется даже святилище Дедала, [весьма] почитаемое местным населением.

В качестве свидетельства того, что и Гомер бывал в Египте, [египтяне] приводят приносящее забвение горестей зелье, которое Елена подала Телемаху в

[доме] Менелая. Дело в том, что относительно этого «гореусладного» зелья (τὸ γὰρ νηπενθὲς φάρμακον), которое по словам Гомера Елена получила из египетских Фив от жены Тона Полидамны, хорошо известно вот что (ἀκριβῶς ἐξητακῶς φαίνεται): говорят, что до сих пор женщины в этом [городе] (т.е. в Фивах) пользуются данным снадобьем (τῆ προειρημένη δυνάμει χρῆσθαι), и по [их, египтян] утверждению, одни лишь жительницы Диосполя открыли снадобье от гнева и горя (παρὰ μόνας ταῖς Διοσπολίτισιν ἐκ παλαιῶν χρόνων ὀργῆς καὶ λύπης φάρμακον εὐρησθαί φασι), – а ведь Фивы и Диосполь – одно и то же.

Афродиту называют местные жители «золотой» по старинному преданию, а возле города, называемого Момемфис есть долина, именуемая «[долиной] золотой Афродиты».

Рассказ о соитии Геры и Зевса и о путешествии [Зевса] в Эфиопию (τά τε περὶ τὸν Δία καὶ τὴν Ἥραν μυθολογούμενα περὶ τῆς συνουσίας καὶ τὴν εἰς Αἰθιοπίαν ἐκδημίαν) Гомер тоже принес из Египта: дело в том, что каждый год египтяне перевозят святыню Зевса (τὸν νεῶν τοῦ Διός)⁵ через реку в Ливию, а спустя несколько дней возвращают обратно, словно бы бог вернулся из Эфиопии; а что касается соития богов (Зевса и Геры – ср. *Илиада*, 14, 346 сл.), то во время празднеств жрецы несут святыни обоих богов на гору, устилая им путь разнообразными цветами (ἄνθεσι παντοίοις ὑπὸ τῶν ἱερέων κατεστρωμένον).

98

И Ликург, и Платон, и Солон внесли в свое законодательство многие законы египтян.

Пифагор, например, научился у египтян и богословию и геометрии (τὰ κατὰ τὸν ἱερόν λόγον καὶ τὰ κατὰ γεωμετρίαν θεωρήματα), а также учению о числах и о переселении души во всякое живое существо (τὴν εἰς πᾶν ζῶον τῆς ψυχῆς μεταβολήν).

Они (египтяне) полагают, что Демокрит общался с ними (египтянами) в течение пяти лет и многому научился у них в отношении астрологии.

Подобным образом и Энопид, общаясь с жрецами и звездочетами, узнал [много] другого, в том числе и о том, что солнце совершает наклонный круговой путь (т.е. эклиптику, τὸν ἡλιακὸν κύκλον ὡς λοξὴν μὲν ἔχει τὴν πορείαν) и движется супротив прочих звезд (ἐναντίαν δὲ τοῖς ἄλλοις ἄστροις τὴν φορὰν ποιεῖται).

Точно также и Эвдокс, научившись у них и астрономии (ἀστρολογήσαντα παρ' αὐτοῖς), много полезного дал грекам, за что и удостоился славы.

Учились у египтян и самые знаменитые из древних ваятелей – Телекл и Феодор, сыны Ройка (Τηλεκλέα καὶ Θεόδωρον, τοὺς Ροΐκου μὲν υἱούς), изваявшие для самосцев резное изображение Аполлона Пифийского. Как рассказывают, одна половина статуи была сделана на Самосе Телеклом, а другая – его братом Феодором в Эфесе; сложенные же вместе, эти части сходились настолько, что казалось, будто это работа одного мастера.

⁵ Речь идет не о самом святилище-храме (ὁ ναός, *аттич.* νεώς), а о ящике (тж.), где хранились статуи божеств – *прим. перев.*

Греки никогда не делали ничего подобного (τοῦτο δὲ τὸ γένος τῆς ἐργασίας παρὰ μὲν τοῖς Ἑλλησι μηδαμῶς ἐπιτηδεύεσθαι), а египтяне – очень часто; у них соразмерность статуи определяется не на глаз (οὐκ ἀπὸ τῆς κατὰ τὴν ὄρασιν φαντασίας τὴν συμμετρίαν τῶν ἀγαλμάτων κρίνεσθαι), как у греков, но только после того, как они соберут камни, разделят и обрабатывают, они измеряют [все части] от самых малых до самых больших (τὸ ἀνάλογον ἀπὸ τῶν ἐλαχίστων ἐπὶ τὰ μέγιστα λαμβάνεσθαι). И разбив все тело (sc. скульптуры) на двадцать одну часть и четверть (εἰς ἓν καὶ εἴκοσι μέρη καὶ προσέτι τέταρτον), они таким образом представляют полную симметрию существа [которое собираются изваять]. После того, как ремесленники договорятся друг с другом о размерах [статуи], они, отдельно друг от друга, изготавливают соразмерные части настолько точно, что их труд вызывает изумление (ὥστε ἔκπληξιν παρέχειν τὴν ιδιότητα τῆς πραγματείας αὐτῶν).

Так вот, в случае с резным изображением в Самосе статуя – сообразно египетскому искусству – была разделена на две части посередине – от головы до срамных частей, будучи со всех сторон совершенно равной (ἰσάζον ὁμοίως ἑαυτῷ πάντοθεν). Говорят, что она очень походила на египетские [статуи], поскольку имела простертые вперед руки и готовые ступать ноги (ὡς ἂν τὰς μὲν χεῖρας ἔχον παρατεταμένας, τὰ δὲ σκέλη διαβεβηκότα).

Итак, о примечательных египетских делах сказано достаточно; мы же, согласно с [изложенным] в начале книги намерением, перейдем к преданиям и деяниям [области], следующей за этой (т.е. за Египтом), и начнем с того, что происходило в Азии у ассирийцев.